

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ

В. И. СРЕЗНЕВСКАГО и П. В. РХОЧИНСКАГО.

1881.

Томъ XVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 л., № 45)

1887.

КАРАТЕГИНЪ И ДАРВАЗЪ.

Въ 1878-мъ году нашимъ почетнымъ членомъ, г. туркестанскимъ генераль-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ была снаряжена экспедиція для изслѣдованія Каратегина и западной части Памира, лежащей къ югу отъ перевала Тахта-корумъ. Эта экспедиція получила названіе «Ученой экспедиціи Туркестанскаго отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи». Мнѣ было поручено руководство ею, собраніе свѣдѣній для общаго описанія пройденныхъ странъ и составленіе зоологическихъ коллекцій; на штабсъ-капитана корпуса топографовъ Г. Е. Родіонова было возложено производство маршрутной съемки, а на М. И. Невѣскаго составленіе гербарія. Экспедиція эта, выступивъ 25-го іюля изъ Самарканды, направилась въ Гиссаръ черезъ Тахта-карачинскій переваль, Китабъ, Шааръ, Якко-багъ, Ташъ-курганъ, переваль Лагаримурда и Санг-гирдакъ. Пройдя, затѣмъ, Гиссарскій край черезъ Сары-джуй, Регаръ, Каратагъ, Гиссаръ, Дюшамбе Кафирнаганъ и Файзабадъ, мы вступили 18-го августа на Каратегинскую территорию у истоковъ Оби-гармской рѣки. На слѣдующій день мы вышли на Сурхабъ и затѣмъ слѣдовали его правымъ берегомъ ¹⁾ до самой восточной границы Каратегина у урочища Кичик-карамукъ, куда мы пришли 2-го сентября. Дальнѣйшій маршрутъ экспедиціи не выходилъ болѣе за предѣлы нашихъ владѣній. Добраться до Тахта-корума намъ не удалось и пришлось съ сожалѣніемъ

---

¹⁾ Только въ верхнемъ Каратегинѣ между зимовками Думбрачи и Дивана намъ пришлось пройти по лѣвому берегу рѣки.

отказаться отъ путешествія по Памиру, и съ верховьевъ Баландъ-кинка вернуться черезъ Терсъ-агаръ, Алай, Талдыкъ и Ошъ въ Ташкентъ.

Самымъ интереснымъ результатомъ экспедиціи является съемка, сдѣланная во время пути Г. Е. Родіоновымъ. Она произведена буссолюю Стефана; разстоянія опредѣлялись по времени и провѣрялись многочисленными засѣчками. Благодаря тому вліянію, какое русская власть успѣла пріобрѣсти въ теченіи послѣдняго десятилѣтія у бухарскаго эмира, съемка велась совершенно открыто и не только нельзя было ожидать какого либо противодѣйствія со стороны бухарскихъ властей, но эти послѣдніе даже не затруднялись сообщать всѣ нужныя свѣдѣнія. Простого письма генераль-губернатора къ эмиру было достаточно для того чтобы мы встрѣчали всюду самую любезную предупредительность отъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя лѣтъ за 15 передъ этимъ съ удовольствіемъ зарѣзали бы cadaго изъ насъ.

На слѣдующихъ страницахъ я позволю себѣ представить краткій географическій очеркъ Каратегина, основанный на томъ, что намъ удалось видѣть самимъ и на данныхъ, добытыхъ на мѣстѣ разспросами. Въ этомъ очеркѣ я совершенно не пользовался имѣющимися въ литературѣ свѣдѣніями о Каратегинѣ, изъ которыхъ наибольшую полнотою отличаются помѣщенные въ статьѣ г. Арсндаренко ¹⁾. Эти послѣдніе свѣдѣнія, конечно, были въ свое время весьма интересны и полезны за неимѣніемъ другихъ, но теперь Каратегинъ пройденъ во всю его длину, и съемка г. Родіонова представляетъ первое твердое основаніе для картографіи этой страны.

Ташкентъ
20 іюля 1880 г.

---

¹⁾ Военный Сборникъ 1875.

I.

КАРАТЕГИНЪ.

Каратегиномъ называется горная страна, занимающая все среднее теченіе Сурхаба. По прямой линіи она имѣетъ въ длину приблизительно 150 верстъ, а въ ширину, вѣроятно, отъ 40 до 50-ти. Къ сѣверу и востоку Каратегинъ граничитъ съ русскими владѣніями, а именно съ Зеравшанскимъ округомъ и съ Ферганскою областью, съ юга онъ граничитъ съ Дарвазомъ а съ запада съ Кулябомъ и Гиссарскимъ краемъ. Орографія его весьма сложна, такъ какъ онъ весь представляется собраніемъ долинъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга многочисленными отрогами, отходящими отъ большихъ хребтовъ, тянущихся по его сѣверной и южной окраинамъ. Кромѣ этихъ отроговъ существуютъ, повидимому, на сѣверной сторонѣ Сурхаба цѣпи, имѣющія направленіе, параллельное съ главными хребтами, по крайней мѣрѣ одна такая гряда тянется вдоль праваго берега этой рѣки.

Сѣверная граница Каратегина занята двумя хребтами: Алайскимъ и Гиссарскимъ, сходящимися у горнаго узла, который находится у верхняго конца Зеравшанскаго ледника. На всѣхъ нашихъ картахъ, начиная отъ карты Когистана барона Аминова, этотъ узелъ носитъ названіе Кокъ-су. Безъ всякаго сомнѣнія имя это невѣрно и произошло отъ какого нибудь недоразумѣнія, такъ какъ немисливо предположить, чтобы какой либо пикъ назывался землею водой, а турецкое названіе Кокъ-су именно имѣетъ такое значеніе. Отъ этого узла расходятся, какъ извѣстно, три цѣпи: одна на востокъ и двѣ на западъ. Первая составляетъ водораздѣлъ между Сыръ-дарьею и Сурхабомъ, и получила отъ А. П. Федченко, впервые посѣтившаго ее, названіе Южно-кокандскаго хребта; на позднѣйшихъ картахъ она называется Алайскимъ хребтомъ или

Алай-тау ¹⁾. Изъ остальныхъ двухъ вѣтвей одна, болѣе сѣверная, Туркестанскій кряжъ — составляетъ водораздѣлъ между бассейнами Сыра и Зеравшана и не принадлежитъ Каратегину; другая же — Гиссарскій кряжъ — отдѣляетъ системы Зеравшана и Сурхаба. Мы будемъ пока пользоваться этою терминологіею, хотя на нее вонечно слѣдуетъ смотрѣть только какъ на предположительную. Установить названія этихъ хребтовъ можно будетъ только тогда, когда ихъ геологическое строеніе и взаимная связь будутъ окончательно разобраны.

Близъ горнаго узла хребты Гиссарскій, Туркестанскій и Алайскій достигаютъ, по видимому, своей наибольшей высоты. За это предположеніе говорятъ многія обстоятельства. Всѣ перевалы въ этой части горъ весьма трудно доступны, большая часть изъ нихъ даже едва проходима для вьючныхъ животныхъ; при томъ они бывають открыты всего два-три мѣсяца въ году. Тутъ же находится большое количество ледниковъ, которыми такъ бѣдны всѣ средне-азіятскія горы. Наконецъ лица, бывшія близъ этого узла, полагали что пики, окружающіе его не ниже 18.000 футовъ. Такъ напримѣръ баронъ Аминовъ считаетъ, что вершины, поднимающіяся у верховьевъ Зеравшанскаго ледника, превосходятъ высоту 18.000 футовъ. ²⁾ А. П. Федченко полагаетъ высоту пиковъ, заканчивающихъ циркъ ледника Щуровскаго въ 18000 — 19000 футовъ. Самого узла до сихъ поръ не видалъ еще ни одинъ европеецъ.

Изъ трехъ хребтовъ, отходящихъ отъ горнаго узла только два, какъ мы видѣли выше, принадлежать Каратегину своими южными склонами именно Гиссарскій и Алайскій. Первый изъ нихъ касается Каратегина восточною частью отъ своего начала до верховьевъ Соръ-буха. На всемъ этомъ пространствѣ большая часть его гребня повидимому выше снѣжной линіи, которая на его сѣверномъ склонѣ имѣетъ высоту 12.000 футовъ; покрайней мѣрѣ нѣкото-

---

¹⁾ Названіе Алай-тау нѣсколько неудобно, благодаря своему созвучію съ Ала-тау, которыхъ и безъ того достаточно встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ средней Азіи. На картѣ верховьевъ Аму-дарьи (изд. Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба 1878 года) этотъ хребетъ названъ Кчи-алай, т. е. малый Алай. Вводитъ это имя для хребта я нахожу совершенно неудобнымъ, такъ какъ имъ Кара-киргизы обозначаютъ долину, занятую верхнимъ теченіемъ Ак-буры.

²⁾ См. Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Вып. III. 1874. стр. 26.

рые перевалы черезъ этотъ хребетъ находятся выше линіи вѣчнаго снѣга. Восточная часть Гиссарскаго хребта была нанесена на карту во время экспедиціи А. К. Абрамова къ верховьямъ Зеравшана въ 1870-мъ году. Съ тѣхъ поръ она, какъ кажется, ни кѣмъ болѣе не была посѣщена. Мнѣ не удалось ее видѣть: главная цѣпь со стороны Сурхаба совершенно закрыта сильно развитыми отрогами. Съ нѣкоторыхъ возвышенныхъ точекъ между Мужухарфомъ и Гармомъ показывались на сѣверѣ нѣсколько вершинъ съ полями снѣга, но я не могу утвердительно сказать принадлежатъ ли эти вершины главной цѣпи или же онѣ находятся въ отрогахъ ея.

Изъ Каратегина существуетъ пять переваловъ черезъ этотъ хребетъ. Одинъ изъ нихъ, самый западный, выводитъ на верховья Ягноба; переваль этотъ исключительно пѣшіи. Три перевала — Пакшифскій, Вадифскій и Пиобрутскій ведутъ съ верховьевъ Соръ-буха на верхній Зеравшанъ, наконецъ переваль Ярхичъ ведетъ туда же съ правой, западной вершинки рѣки Оби-кабудъ. Изъ всѣхъ этихъ переваловъ, только одинъ, именно Пакшифскій, былъ опредѣленъ инструментально и оказался высотой въ 12000 футовъ. Этотъ послѣдній и Ярхичъ доступны для вьючнаго движенія, остальные три пѣшіе. Дорога къ Ярхичу ведетъ черезъ ледникъ, спускающійся къ Зеравшану. Пиобрутскій переваль лежитъ выше снѣговой линіи. Всѣ они принадлежатъ къ числу трудно доступныхъ, и открыты только въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, но не смотря на это, они часто посѣщаются жителями верхняго Зеравшана, которые, въ особенности черезъ Пакшифскій переваль, вывозятъ хлѣбъ изъ Каратегина.

Западная, прилегающая къ Каратегину, часть Алайской цѣпи извѣстна еще менѣе Гиссарскаго кряжа. До сихъ поръ еще никто изъ европейцевъ не посѣтилъ ее ¹⁾. Въ ней, какъ кажется, существуетъ всего только два весьма трудныхъ перевала: Таракъ и Алаудинъ. Первый изъ нихъ ведетъ съ лѣвой, восточной вершинки Оби-кабуда на верховья Сохской рѣки, второй же съ верховьевъ Оби-занку выводитъ къ ферганскому селенію Охна, лежащему между Шахимарданомъ и Вадилемъ.

А. П. Федченко въ описаніи своего путешествія по Кобанд-

---

¹⁾ Горы, изслѣдованныя А. П. Федченко на верховьяхъ рѣки Исфары, принадлежатъ, повидимому, не Алайскому, а Туркестанскому кряжу, онѣ лежатъ къ западу отъ горнаго узла.

скому ханству сообщилъ объ этихъ перевалахъ первыя и весьма подробныя свѣдѣнія, добытыя путемъ разспросовъ, я могу добавить нѣсколько подробностей относительно Тарака.

Дорога черезъ этотъ перевалъ дѣйствительно проходитъ по леднику, какъ совершенно вѣрно предположилъ А. П. Федченко, но лица, которыхъ онъ разспрашивалъ, какъ кажется, съ намѣреніемъ нѣсколько преувеличили опасности ея. Ему рассказывали, что перевалъ доступенъ только для пѣшихъ, что путешественники, принуждены привязывать къ себѣ палки, чтобы задержаться на нихъ въ томъ случаѣ, если они попадутъ въ ледниковую трещину.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ Каратегинѣ, оказывается, что Таракъ проходимъ даже для навьюченныхъ лошадей, если только вѣсъ вьюка не болѣе двухъ-трехъ пудовъ. Подобное движеніе, какъ говорятъ, возможно только въ теченіи одного мѣсяца въ году, съ половины іюля до половины августа. Я производилъ разспросъ 28-го августа и въ это время года Таракъ, по словамъ каратегинцевъ, уже едва проходимъ. Вообще въ 1878-мъ году Таракъ представлялъ очень большія трудности, — благодаря необыкновенно суровой и снѣжной зимѣ 1877 — 78 годовъ. Мнѣ рассказывали, что ледникъ сильно растрескался, такъ что проходъ чрезъ него сталъ не безопасенъ. Я полагаю, что и большія массы накопившагося за зиму снѣга не могли растаять и, скрывая собою трещины, дѣлали дорогу особенно рискованною.

Длину дороги по леднику мнѣ опредѣляли въ $\frac{1}{2}$ таша, т. е. въ 4 версты, но, конечно, нельзя очень полагаться на подобныя показанія; когда идешь по трудной дорогѣ и одна верста покажется, пожалуй, равной пяти. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что Таракъ принадлежитъ къ числу очень трудныхъ переваловъ, что движеніе черезъ него все таки дѣло нѣсколько рискованное, и что черезъ него направляются преимущественно пѣшеходы; конные же путешественники безъ особой неотложной необходимости черезъ него не пускаются, а предпочитаютъ сдѣлать объѣздъ и перевалить въ Фергану болѣе восточными перевалами.

Что касается Алаудина, то я не могъ собрать о немъ почти никакихъ свѣдѣній. Полагаю, что и онъ принадлежитъ къ числу очень трудныхъ переваловъ, потому что кара-киргизы, которыхъ я посылалъ изъ Каратегина въ Маргеланъ и которые кочевали у устья Оби-занку, выбрали кружный путь черезъ Кара-

казукъ. ¹⁾ Между тѣмъ и этотъ послѣдній переваль далеко не изъ легкихъ.

Кара-казукъ былъ посѣщенъ мною въ 1876-мъ году во время Алайской экспедиціи и я нашелъ его весьма неудобнымъ, благодаря большой высотѣ (14300 футовъ), весьма значительной крутизнѣ, особенно ферганскаго склона и свойству грунта, представляющаго каменную осыпь, которая катится подъ ногами лошадей. Отрядъ, при которомъ я тогда находился, прошелъ благополучно, не смотря на довольно позднее время года (17 сентября), такъ какъ въ теченіе двухъ недѣль передъ этимъ стояла прекрасная, ясная погода и снѣгъ, выпавшій ранѣе, въ концѣ августа, успѣлъ уже весь стаять, но на такихъ высотахъ никогда нельзя поручиться за погоду, а если путешественника застанетъ буря на Кара-казукѣ то положеніе его легко можетъ сдѣлаться весьма критическимъ. Такъ какъ Кара-казукъ представляетъ значительныя трудности, а посланные мною кара-киргизы все таки выбрали этотъ путь, а не воспользовались болѣе прямою дорогою черезъ Алаудинъ, то я полагаю, что этотъ послѣдній переваль долженъ быть едва проходимымъ. Къ тому же и по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Федченко, Алаудинъ служитъ не для правильнаго сообщенія, а скорѣе играетъ роль воровской тропы. Конечно весьма возможно, что главныя трудности этого пути состоятъ не въ подъемѣ на самый переваль, а въ подступахъ къ нему по узкимъ ущельямъ.

Къ югу отъ Алайской и Гиссарской цѣпей въ направленіи съ ними параллельномъ, недалеко отъ праваго берега Сурхаба, тянется второстепенная горная гряда. Я думаю, что она начинается на востокъ у высокаго пика Шумъ-кара, который, по словамъ алайскихъ кара-киргизъ, превышаетъ всѣ прочія вершины Алайскаго хребта. Съ него вытекаетъ Кичикъ-карамукъ-су. Эта рѣчка имѣетъ не болѣе 15-ти верстъ въ длину, въ чемъ я убѣдился во время посѣщенія ея верховьевъ въ 1876-мъ году. Изъ киргизской лѣтовки,

---

¹⁾ Названіе это означаетъ черный колъ; туземцы объясняли А. П. Федченко, что названіе это произошло отъ того, что лошадь, поставленная близъ перевала на приколъ, не найдетъ себѣ пищи. Я полагаю, что происхожденіе этого названія объясняется гораздо проще. Близъ самаго перевала возвышаются два острокопечныхъ конусообразныхъ пика чернаго цвѣта; они на столько круты, что снѣгъ на нихъ не держится не смотря на ихъ значительную высоту (не менѣе 17000 футовъ). Поэтому сходство ихъ съ черными кольями весьма велико. Съ подошвы перевала (съ Ферганской стороны) пики эти не видны, а по сему А. П. Федченко о нихъ и не упоминаетъ.

куда мы тогда доѣзжали, вершина Шумъ-кара не видна: она закрыта ближайшими высотами. Вслѣдствіе такого короткаго разстоянія отъ Сурхаба до Шумъ-кара, я полагаю что этотъ пикъ находится южнѣе главной оси Алайскаго хребта.

Въ этомъ еще болѣе приходится убѣдиться, рассматривая свѣдѣнія о дорогѣ съ верховьевъ Занку къ Кара-казукскому перевалу. Посланные мною въ Маргеланъ киргизы поднялись сперва вверхъ по Оби-занку и съ ея верховьевъ перевалили прямо на верховья Кокъ-су, минуя Кичикъ-карамукъ и Катта-карамукъ-су. Изъ этого слѣдуетъ, что истоки Оби-занку и Кокъ-су (Кара-казукской) сходятся очень близко и раздѣляются только другъ отъ друга горнымъ отрогомъ, который, вѣроятно, связываетъ Шумъ-каръ съ Алайскимъ хребтомъ. При такомъ толкованіи окажется, что съ Шумъ-кара берутъ начало четыре рѣки а именно съ южныхъ склоновъ Кчи-карамукъ и Катта-карамукъ-су; съ сѣверо западныхъ — правыя вершинки Оби-занку а съ сѣверо восточныхъ лѣвыя вершинки Кокъ-су.

На востокъ отъ Шумъ-кара направляется отрогъ, отдѣляющій бассейнъ Кокъ-су и Катта-карамукъ-су. Черезъ этотъ отрогъ, не далеко отъ урочища Катта-карамукъ, находится переваль Гурумды. (10000 футовъ надъ уровнемъ моря).

На западѣ отъ Шумъ-кара, какъ сказано выше, тянется кряжъ, имѣющій направленіе съ востоко-сѣверо-востока на западо-юго-западъ и проходящій вдоль всего Каратегина. Послѣдніе отроги его оканчиваются западнѣе меридіана города Файзабада. Онъ образуетъ сѣверную границу долины Сурхаба. Но западный его конецъ тянется уже не вдоль Сурхаба а вдоль его притока—Оби-гармской рѣки, а равно и вдоль Иляка, образуя водораздѣлъ между этою рѣкою и Кафирнаганомъ. На всемъ этомъ пространствѣ онъ сохраняетъ свое прежнее направленіе. Хребетъ прорывается тремя притоками Сурхаба а именно Оби-занку, Оби-кабудомъ и Соръ-бухомъ. Разстояніе его гребня отъ Сурхаба измѣняется: мѣстами оно не болѣе 5-ти верстъ; иногда же оно сильно увеличивается и тогда пространство между нимъ и долиною рѣки занято сильно развитыми отрогами, черезъ которые существуютъ мѣстами перевалы для обхода узкихъ мѣстъ. Самый гребень особенно ясно видѣнъ изъ Гарма, съ устья Оби-дашта-сіябъ и наконецъ съ перевала Мучунъ. Онъ очень зубчатъ и мѣстами на немъ были видны пятна вѣчнаго снѣга, а именно въ верховьяхъ Оби-дашта-сіяба и Мужу-харфской рѣки. Поэтому я полагаю, что нѣкоторые изъ его пиковъ не ниже 14000 футовъ. Въ за-

падной части хребетъ повышается и тамъ самая высокая вершина его — Хазретиша, находящаяся какъ разъ на границѣ Каратегина, имѣетъ не болѣе 12000 — 13000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Несомнѣнно что черезъ этотъ хребетъ должно существовать нѣсколько переваловъ, но намъ назвали изъ нихъ только одинъ — Созъ, ведущій съ Оби-ясмана, праваго притока Оби-кабуда, въ бассейнъ Соръбуха. Я долженъ признаться, что хребетъ этотъ выяснился для меня уже тогда, когда вся съемка была вычерчена, и только благодаря многочисленнымъ засѣчкамъ, произведеннымъ моимъ товарищемъ по путешествію Г. Е. Родіоновымъ. Во время же движенія большая часть хребта была замаскирована путаницею его отроговъ и долинъ, такъ что общей картины не получалось. Къ тому же и прорывы его въ трехъ пунктахъ затемняли дѣло. — Изъ существованія этого хребта вытекаетъ что и въ Каратегинѣ преобладаетъ тотъ же типъ строенія горъ, который наблюдается въ Ферганской области на верховьяхъ Зеравшана, то есть что параллельно съ главною цѣпью существуютъ другія, прорываемыя рѣками. Въ мѣстахъ прорыва рѣки текутъ въ очень узкихъ трещинахъ и тутъ обыкновенно находятся наиболѣе трудно проходимые участки дорогъ. Весь этотъ хребетъ, отъ Шумъ-кара до его западнаго конца близъ устья Иляка, я предлагаю назвать *Каратегинскимъ*.

Какъ ни высоки Алайскій и Гиссарскій хребты, но они далеко уступаютъ въ этомъ отношеніи цѣпи, тянущейся вдоль лѣваго берега Сурхаба, которую наша экспедиція назвала хребтомъ Петра I въ честь перваго русскаго государя, старавшагося проникнуть въ глубь средней Азіи. Этотъ хребетъ, почти не замаскированный предгорьями, встаетъ высокою стѣною и тянется отъ устья Мукъ-су вдоль всей южной границы Каратегина. Для меня осталось неясною его связь съ горами, возвышающимися вдоль лѣваго берега Мукъ-су противъ Алтынъ-мазара. Я болѣе всего склоненъ думать, что его начало составляютъ пики у лѣтровки Тупчекъ, поднимающіеся прямо къ югу отъ устья Мукъ-су; отъ этого мѣста хребетъ тянется вдоль лѣваго берега Сурхаба имѣя общее направленіе съ западо-юго-западъ на востоко-сѣверо-востокъ. Западнѣе меридіана Обигарма онъ прорывается Сурхабомъ; перейдя на его правый берегъ онъ образуетъ южный водораздѣлъ для притоковъ Оби-гармской рѣки и Иляка и тянется южнѣе Файзабада. Сурхабъ прорывается черезъ него очень узкою трещиною, по видимому весьма трудно проходимую. Я видѣлъ начало ея; даже у входа горы казались почти нависшими надъ рѣкою. Сверхъ того извѣстно, что изъ Күляба обыкновен-

но идутъ въ Каратегинъ не по Сурхабу а предпочитаютъ дорогу на Файзабадъ и Оби-гармъ.

Далѣе на востокъ хребетъ Петра I-го прорывается еще разъ притокомъ Сурхаба Хулласомъ. Западная часть хребта безснѣжна, но уже на меридианѣ Гарма на немъ появляется снѣгъ пятнами, а нѣсколько далѣе къ востоку онъ вдругъ поднимается на очень большую высоту. Прямо противъ каратегинскаго кишлака Ни миче-боло, верстахъ въ 11-ти отъ него къ югу, поднимается трехглавый пикъ Сары-каудаль; высота его я полагаю не менѣе 18.000 футовъ. Его средняя глава заканчивается двумя острыми зубцами. Уже изъ Гарма онъ видѣнъ весь и составляетъ самый выдающійся предметъ въ окружающихъ этотъ городъ горахъ; видъ же на него изъ Нимичи-боло замѣчательно величественъ. По дорогѣ изъ Гарма въ Нимичи-боло видны въ глубинѣ ущелья хребта Петра I-го группа пиковъ, высота которыхъ значительно превосходитъ высоту Сары-каудала; эти пики лежатъ южнѣ послѣдняго, и я не увѣренъ въ томъ, находятся ли они въ хребтѣ Петра I-го или составляютъ часть другого хребта, который тянется вдоль лѣваго берега Хулласа.

Восточнѣе Сары-каудала хребетъ Петра I-го тянется гребнемъ, поднимающимся выше снѣговой линіи, и верстахъ въ 15-ти изъ него выдѣляется пикъ Саганаки; онъ находится верстахъ въ 14-ти почти прямо къ югу отъ Калаи-хайта. Оттуда онъ представляется на глазъ той же высоты какъ и Сары-каудаль изъ Нимичи-боло, но такъ какъ разстояніе до него нѣсколько болѣе, чѣмъ до послѣдняго, то я полагаю что онъ едва ли ниже 20.000 футовъ. Восточнѣе Саганаки гребень хребта почти все время закрытъ предгорьями, только въ глубинѣ двухъ или трехъ ущелій онъ открывается передъ глазами. Эта часть его повидимому сильно понижена, снѣгъ лежитъ на немъ только пятнами и поэтому его высота едва ли превосходитъ здѣсь 14.000 — 15.000 футовъ. За этимъ пониженіемъ на востокъ хребетъ снова поднимается на громадную высоту у Киргизской лѣтовки Тупчекъ. Тутъ находится группа изъ четырехъ пиковъ. Они уже ясно видны изъ Занку, но въ особенности поразителенъ ихъ видъ изъ Джаилгана. Тутъ они не закрыты предгорьями, и ближайшій изъ нихъ, самый восточный, находится всего въ 22-хъ верстахъ отъ этой зимовки. Я считаю что этотъ восточный пикъ имѣетъ до 25.000 футовъ высоты, а остальные не ниже 22.000 футовъ. ¹⁾

¹⁾ Для отличія я временно обозначаю эти четыре пика нумерами, считая отъ востока къ западу, такъ что № 1 будетъ самый восточный и самый высокій изъ нихъ, а № 4 самый западный.

Только два восточныхъ пика имѣютъ направленіе общее съ хребтомъ Петра I-го, два западныхъ отклонены болѣе къ югу и повидимому принадлежать другому хребту. Какъ кажется пикъ № 1 составляетъ узелъ, отъ котораго отходятъ хребетъ Петра I-го, образующій водораздѣлъ между Сурхабомъ и Хуллясомъ и другой хребетъ, который я предлагаю назвать Дарвазскимъ, и который раздѣляетъ бассейнъ этой послѣдней рѣки отъ бассейна Ванча.

На основаніи этого то соображенія я пока считаю за начало хребта Петра I-го пикъ № 1. Несомнѣнно что отъ этого послѣдняго пика нашъ хребетъ непрерывно тянется на западъ за предѣлы Каратегина и составляетъ на всемъ пространствѣ одно цѣлое. Конечно легко можетъ оказаться, что горы, идущія по лѣвому берегу Мукъ-су отъ самыхъ ея верховьевъ, и соединяющіяся съ пикомъ № 1 окажутся восточнымъ продолженіемъ этого хребта. Но мы видѣли эти горы только въ двухъ мѣстахъ, именно въ верховьяхъ рѣки Мукъ-су и за тѣмъ противъ ея устья, гдѣ къ юго-востоку отъ пика № 1 возвышается большое количество очень высокихъ снѣговыхъ вершинъ, которыя, однако, были плохо видны, такъ какъ большая часть ихъ была покрыта облаками. Въ виду такой отрывочности нашихъ свѣдѣній, не позволяющихъ даже судить объ общемъ направленіи этой цѣпи, мнѣ кажется болѣе осторожнымъ не вытягивать пока на востокъ хребта Петра I-го, и предоставить рѣшеніе этого вопроса позднѣйшимъ изслѣдователямъ.

Черезъ хребетъ Петра I-го, восточнѣе прорыва его Хуллясомъ, существуютъ три перевала. Всѣ они открыты для движенія только лѣтомъ, зимою же сообщеніе между Каратегиномъ и долиною Хулляса производится исключительно вверхъ по теченію этой рѣки. Самый западный изъ переваловъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый легкій, онъ доступенъ для вьючнаго движенія. Это перевалъ Камчиракъ, обозначаемый на всѣхъ картахъ именемъ Шахкендъ или Шахъ-кенда, тогда какъ подъ словомъ Шакандачи въ дѣйствительности понимается только спускъ съ него.

Камчиракъ находится противъ каратегинскаго кишлака Сарыпуля; подъемъ на него идетъ по мягкому грунту и не крутъ, на верху находится площадка съ $\frac{1}{2}$ версты шириною. Все разстояніе отъ Гарма до вершины перевала мнѣ опредѣлили въ два таша, то есть въ 16 верствъ. Спускъ, называемый, какъ сказано выше, Шакандачи, крутъ и каменистъ; онъ идетъ по гребню отрога, такъ что по обѣ стороны дороги находятся пропасти. По причинѣ узкости

гребня, путь этотъ былъ ранѣе не безопасенъ, но въ 1878-мъ году бухарскія власти расчистили дорогу, и теперь она не представляетъ опасностей. Съ этого перевала выходятъ къ дарвазскому укрѣпленію Чиль-дара, ¹⁾ лежащему на правомъ берегу Хулласа.

Второй перевалъ — тоже въючный — находится между пиками Сары-каудалемъ и Саганаки. На западъ отъ послѣдняго и въ очень близкомъ отъ него разстояніи замѣчается сѣдловина въ хребтѣ Петра I-го, и тамъ то лежатъ этотъ перевалъ, извѣстный подъ именемъ Люли-харви. Онъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ и потому принадлежитъ къ числу трудныхъ; по снѣгу говорить приходится идти версты четыре. На южномъ склонѣ снѣгъ представляетъ много трещинъ и весьма возможно, что тамъ дорога проложена по леднику. Путь чрезъ этотъ перевалъ выводитъ къ дарвазскому селенію Иштиучу.

Наконецъ третій и, какъ кажется, самый трудный перевалъ находится противъ устья Занку и называется Гардани-кафтаръ.

Сверхъ четырехъ описанныхъ горныхъ хребтовъ въ Каратегинѣ существуетъ еще пятый, принадлежащій ему, впрочемъ, своею крайнею западною оконечностью, это Заалайскій хребетъ. Каратегинская часть его не представляется уже такою сплошною массою вѣчнаго снѣга, какою является онъ къ востоку отъ Терсь-агарскаго перевала. Здѣсь онъ изрѣзанъ большимъ количествомъ ущелій и, какъ кажется, его строеніе довольно сложно. Снѣгъ лежитъ только мѣстами на нѣкоторыхъ пикахъ. Несмотря на сравнительно незначительную высоту его, онъ повидимому непроходимъ; по крайней мѣрѣ киргизы не могли мнѣ назвать ни одного перевала между Терсь-агаромъ и устьемъ Мукъ-су. Весьма возможно, что перевалы тутъ и существуютъ, но что они не обследованы по ненадобности ихъ для практическихъ цѣлей. Зимовки, лежащія по нижнему теченію Мукъ-су легко доступны отъ Джайлгана вверхъ по долинѣ рѣки; а въ Алтынъ-мазаръ существуетъ дорога черезъ Терсь-агаръ, одинъ изъ самыхъ легкихъ переваловъ, который удобно проходимъ даже и для верблюдовъ. При томъ долины Мукъ-су, и Сурхаба отъ Кичикъ-карамука до Джайлгана населены весьма мало, благодаря небольшому количеству мѣстъ, годныхъ для зимовокъ. Лѣтовья же, и притомъ несравненно болѣе удобныя, расположены въ верховьяхъ Кичикъ-карамукъ-су, Оби-занку и на урочищѣ Тупчекъ.

---

¹⁾ Чивиль-дара и Чивиль-дере нашихъ послѣднихъ картъ.

Всѣ хребты со своими отрогами образуютъ большое количество продольныхъ и поперечныхъ долинъ; изъ нихъ выдѣляется своимъ протяженіемъ продольная долина, лежащая между хребтомъ Петра I-го и Каратегинскою цѣпью; большая часть ея занята теченіемъ рѣки Сурхаба; только крайній западный ея конецъ заключаетъ въ себѣ Оби-гармскую рѣку, текущую на востокъ и впадающую въ Сурхабъ и рѣку Илякъ, направляющуюся на западъ и сливающуюся съ Кафирниганомъ.

Водораздѣлъ между этими двумя рѣками совершенно не замѣтенъ: въ ихъ верховьяхъ долина представляется на глазъ совершенно плоскою; извѣстная подъ именемъ Данти-бидана (перепелиная степь), она представляетъ собою ничто иное какъ высоко поднятую степь, явленіе, какъ извѣстно, весьма нерѣдкое въ средне-азіятскихъ горахъ. Можно, даже, считать общимъ правиломъ что, какъ только встрѣчается довольно широкая ровная долина, такъ тотчасъ же она принимаетъ характеръ степи. Деревья и кусты на ней пропадаютъ, даже открытые склоны горъ отъ нихъ свободны, только въ глубинѣ закрытыхъ ущелій является древесная растительность. На долинѣ замѣчаются чисто степныя формы растений: *Ferulaceae*, ковыль (*Stipa*) чій (*Lasiagrostis splendens*) разные виды полыни. Такія то высокія степи представляютъ прекрасныя лѣтовки для кочевниковъ. И Данти-бидана занята лѣтовьемъ гиссарскихъ узбековъ рода Каллукъ. — На этой то степи и находятся верховья Иляка и Оби-гармъ-дарьи. Мы шли вверхъ по одной изъ вершинокъ перваго, затѣмъ дорога отошла въ сторону отъ ручья; потомъ черезъ версту мы снова подѣхали къ водѣ. Я былъ въ полной увѣренности, что это все тотъ же ручей, такъ какъ никакого подъема на глазъ не возможно было замѣтить, но былъ удивленъ, замѣтивъ теченіе воды въ противоположную сторону, и тогда только сообразилъ, что мы попали изъ бассейна Кафирнигана въ бассейнъ Сурхаба, которые здѣсь не отдѣлены другъ отъ друга ни малѣйшимъ холмикомъ ни даже самымъ незначительнымъ уваломъ.

Какъ сказано выше бѣльшая, восточная часть этой продольной долины занята теченіемъ рѣки Сурхаба. Эта рѣка есть сѣверная вѣтвь Аму-дарьи и на своемъ теченіи извѣстна подъ тремя названіями. Въ верховьяхъ, занятыхъ кара-киргизами она называется Кизиль-су; во всей части Каратегина, заселенной таджиками, она именуется Сурхабомъ, наконецъ, въ нижней части своего теченія получаетъ названіе Вахша. Истоки Сурхаба находятся на Алабъ,

откуда онъ получаетъ большую часть своей воды изъ вѣчно-снѣгового Заалайскаго хребта. Красная глина, весьма тамъ распространенная, примѣшана къ его водѣ въ очень значительномъ количествѣ и окрашиваетъ ее въ кирпично-красный цвѣтъ, отчего и произошли два названія рѣки — Сурхабъ и Кизиль-су что въ буквальномъ переводѣ означаетъ — красная вода. Впрочемъ это названіе не можетъ считаться вполне точнымъ для большей части течения Сурхаба въ предѣлахъ Каратегина, такъ какъ эта рѣка сохраняетъ свой красный цвѣтъ только до устья Мукъ-су, смѣшавшись же съ ея грязно-сѣрою водою Сурхабъ получаетъ бурый цвѣтъ.

Верхняя часть долины Сурхаба носитъ названіе Дашт-алай (Алайская степь) или же сокращенно Алай. Эта часть и тянется отъ весьма низкаго увала, служащаго водораздѣломъ Капгарской Кизиль-су (системы Капгаръ-даръ) отъ Сурхаба. ¹⁾ Черезъ этотъ уваль дорога проходитъ по Тау-мурунскому перевалу. ²⁾ За нижнюю границу Алая слѣдуетъ принять, по моему мнѣнію, западный конецъ урочища Катта-карамукъ. Тутъ рѣка впервые входитъ въ ущелье и характеръ долины измѣняется совершенно. Восточнѣе Катта-карамука долина почти всюду представляется весьма широкою, только ниже Дараута предгорья праваго берега подходятъ вплоть къ рѣкѣ, но за то на лѣвомъ берегу, между Сурхабомъ и подошвою горъ, остаются довольно значительныя площадки. Западнѣе же Катта-карамука начинается ущелье, которое тянется непрерывно до устья Мукъ-су. Тутъ Сурхабъ вездѣ течетъ однимъ рукавомъ и дорога проложена почти все время высоко надъ нимъ; она спускается внизъ только у устья небольшихъ ручьевъ, гдѣ обыкновенно встрѣчаются незначительныя площадки. У устья Мукъ-су, на лѣвомъ берегу Сурхаба, разстилается довольно значительная, слегка всхолмленная равнина, въ которой Сурхабъ глубоко прорылъ свое ложе. Далѣе къ западу долина представляетъ нѣсколько котловино-образныхъ расширеній, соединенныхъ другъ съ другомъ узкими щелями; эти щели образованы подступающими къ рѣкѣ и упирающимися въ нее отрогами. Для обхода такихъ узкихъ мѣстъ дорога часто отходитъ въ сторону

---

¹⁾ Для избѣжанія путаницы, неизбежно происходящей отъ постоянно повторяющагося названія Кизиль-су, считаю полезнымъ употреблять для послѣдней рѣки таджикское ея имя — Сурхабъ.

²⁾ Тонъ-мурунъ нашихъ картъ; это названіе ошибочно; оно не имѣетъ смысла, тогда какъ Тау-мурунъ означаетъ горный носъ.

отъ рѣки въ боковое ущелье, затѣмъ переваливаетъ черезъ отрогъ и снова выходитъ на Сурхабъ. Идя отъ Катта-карамука внизъ, мы встрѣчаемъ въ Каратегинѣ слѣдующіе перевалы черезъ такіе отроги. Джалгизъ-арча, передъ зимовкою Кичикъ-карамукъ; Сары-гуи и Кашка-ширякъ между Кичикъ-карамукомъ и Ачиль-алмою; Муйнакъ и Джуль-терекъ передъ долиною Оби-занку; Турпи съ Обиясмана на Нимичи-боло, и Мугукъ, выводящій на низовья Мужухарвской рѣки. Изъ нихъ значителенъ только Турпи, который поднимается надъ Нимичи-боло по крайней мѣрѣ на 2.500 футовъ. Но не всегда дорога обходитъ такіа узкія мѣста долины переваливая черезъ отроги, ея стѣсняющіе; иногда она проложена и по склонамъ ея и тогда идетъ карнизамъ, то поднимаясь, то опускаясь, причеиъ, для прохода черезъ размытыя мѣста или вдоль слишкомъ крутыхъ склоновъ, устроены кое-гдѣ искусственныя сооруженія, получившія отъ русскихъ въ Туркестанѣ названіе балкончиковъ.

Балкончики состоятъ изъ свай, вбитыхъ въ склонъ горы, на нихъ накладываются бревна и набрасывается хворостъ, земля и камни, такъ что получается искусственный карнизъ.

Въ расширенныя частяхъ долины рѣка течетъ обыкновенно нѣсколькими рукавами, но даже и въ такихъ мѣстахъ она нигдѣ и ни въ какую пору года не проходима въ бродъ. Всѣ эти котловинообразныя расширенія были, повидимому когда то озерами. По крайней мѣрѣ въ нихъ всегда замѣчаются береговныя террасы. По теченію Сурхаба террасы встрѣчаются въ первый разъ еще за предѣлами Каратегина на урочищѣ Катта-карамукъ, гдѣ онѣ особенно хорошо развиты. Число ихъ всегда равно тремъ, при чемъ верхняя, самая древняя терраса, какъ наиболѣе подвергавшаяся размыву, сохранилась хуже прочихъ и представляется обыкновенно въ видѣ небольшихъ оторванныхъ клочковъ, лѣпящихся по склонамъ горъ. Почва этихъ террасъ состоитъ изъ рѣчного наноса, то есть изъ смѣси гальки съ пескомъ и глиною, и благодаря этому обстоятельству онѣ почти нигдѣ не обрабатываются, такъ какъ большое количество гальки препятствуетъ вспахиванію. Поверхность террасъ, въ особенности верхней, слегка поката къ рѣкѣ, но этотъ склонъ едва ли превосходитъ 2 — 3°. Края террасъ падаютъ очень круто, подъ угломъ 45°. Между обрывами нижней террасы разстилается ровное пространство, состоящее изъ рѣчныхъ наносовъ и занятое теперешнимъ теченіемъ рѣки. Въ этихъ расширенныя частяхъ долины Сурхабъ всегда течетъ нѣсколькими рукавами. Такъ какъ ложе его состоитъ изъ его соб-

ественныхъ наносовъ, весьма слабо связанныхъ между собою и легко размываемыхъ быстрымъ теченіемъ, то направленіе, глубина и даже число его рукавовъ постоянно мѣняются. Такимъ образомъ наносы распредѣляются равномерно по всей поверхности, заключенной между боками нижней террасы.

Котловинообразныя расширенія съ явственно выраженными террасами особенно часто встрѣчаются въ той части долины Сурхаба, которая находится между устьями Оби-занку и Оби-гармъ-дарьи. На такихъ расширеніяхъ между прочимъ выстроены Нильлонъ, Гармъ, Помбачи, Али-галабонъ.

Какъ сказано выше Сурхабъ, въ предѣлахъ всей территоріи Каратегина, нигдѣ и ни въ какое время года не проходитъ въ бродъ. Послѣдній бродъ находится какъ разъ у Каратегинской границы на принадлежащемъ намъ урочищѣ Катта-карамукъ, но и онъ доступенъ только съ конца августа, т. е. послѣ лѣтняго половодья. Поэтому въ Каратегинѣ для переправы черезъ Сурхабъ устроено три моста: два изъ нихъ находятся выше устья Мукъ-су у зимовокъ Дивана и Домбрачи, а третій — ниже Гарма, у кишлака Сары-пуля. Всѣ эти мосты построены по одному и тому же плану. На обоихъ берегахъ рѣки дѣлаются устой, состоящіе изъ перемежающихся слоевъ бревенъ и камня, причемъ чѣмъ выше слой бревенъ, тѣмъ онъ далѣе выдается надъ водою. Такимъ образомъ пролетъ моста все болѣе и болѣе суживается къ верху; онъ замыкается балками, перекинутыми черезъ рѣку, на которыхъ устраивается полотно моста, — состоящее изъ хвороста, земли и камней. Мосты эти весьма непрочны: при проходѣ черезъ нихъ даже пѣшого они сильно качаются, настилка на нихъ часто портится; и нужно имѣть большую привычку и обладать крѣпкими нервами, чтобы рискнуть проѣхать верхомъ по такому мосту. Такъ какъ въ Каратегинѣ арбъ не существуетъ, то и мосты дѣлаются очень узкими и годны только для проѣзда верхомъ; периль никогда не устраиваются.

Благодаря небольшому количеству мостовъ на Сурхабѣ, сообщеніе между кишлаками, лежащими на противоположныхъ берегахъ этой рѣки, весьма затруднительно. Чтобы не дѣлать большихъ объѣздовъ жители принуждены пускаться вилавъ черезъ рѣку.

Въ мѣстахъ, гдѣ Сурхабъ течетъ нѣсколькими рукавами, возможно переплыть черезъ него на лошади; въ другихъ же мѣстахъ приходится прибѣгать къ помощи турсуковъ, которые въ Каратегинѣ называются гупсарями. Гупсары дѣлаются изъ козловыхъ,

бараньихъ, а иногда и изъ коровьихъ шкуръ; которыя снимаются цѣльными. Для переправы гупсары надувають воздухомъ, человѣкъ ложится на него и плыветъ, поддерживаемый на поверхности воды. Иногда нѣсколько пловцовъ связываются вмѣстѣ и самый опытный изъ нихъ плыветъ впереди.

Подобныя переправы не совсѣмъ безопасны, въ особенности въ мѣстахъ, гдѣ Сурхабъ, сжатый круглыми обрывистыми берегами, течетъ въ одномъ руслѣ съ большою быстротою; покрайней мѣрѣ мы говорили, что въ Сурхабѣ ежегодно погибаетъ нѣсколько человѣкъ.

Въ предѣлахъ Каратегина Сурхабъ принимаетъ нѣсколько значительныхъ притоковъ, не считая весьма большого количества ручьевъ. Назовемъ слѣдующія рѣки, впадающія справа: Кичивъ-карамукъ-су, Оби-занку, Оби-кабудъ, Соръ-бухъ, Оби-дапти-сіябъ, Оби-мужу-харфъ и Оби-кармъ-дарью. Всѣ эти притоки имѣютъ свои истоки въ Каратегинскомъ хребтѣ, за исключеніемъ трехъ: Оби-занку, Оби-кабуда и Соръ-буха, которые прорываются черезъ него трудно проходимыми тѣсинами. Они въ предѣлахъ Каратегина составляютъ единственные стоки, которыми тающіе снѣга южныхъ склоновъ Алайскаго и Гиссарскаго хребтовъ сливаются въ Сурхабъ. Поэтому они и значительнѣе всѣхъ прочихъ рѣкъ; въ особенности великъ Соръ-бухъ.

Оби-занку извѣстна у кара-киргизъ подъ часто повторяющимся именемъ Кокъ-су. Она образуется изъ двухъ рѣкъ: Лай-су, текущей слѣва и Тамды-куль, которая въ сущности составляетъ верхнее теченіе Оби-занку, тогда какъ на Лай-су слѣдуетъ смотрѣть какъ на притокъ. Тамды-куль вытекаетъ изъ Алайскаго хребта и на ея верховьяхъ находится Алаудинскій перевалъ; въ его направленіи мы видѣли съ Джуль-терека два пика, имѣющихъ 15.000 или 16.000 футовъ высоты. Лай-су повидимому беретъ начало изъ отроговъ главнаго хребта, у ея истоковъ существуютъ перевалы на Катта-карамукъ-су и на кара-казыкскую Кокъ-су.

Вода ея, судя по названію (Лай-су значитъ грязная вода), должна быть очень мутна. Весьма вѣроятно что рѣка эта питается ледниками, которые и придаютъ ей мутность. Мысль эта подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что Оби-занку имѣетъ бѣловато зеленый цвѣтъ, совершенно сходный съ цвѣтомъ воды при слияніи рѣкъ Каинды и Соукъ-су ¹⁾; изъ нихъ послѣдняя вытекаетъ изъ

¹⁾ Въ верховьяхъ Муку-су.

ледниковъ. У своего устья Оби-занку течетъ нѣсколькими рукавами по широкому галечному ложу, окаймленному съ двухъ сторонъ хорошо выраженными террасами. Переправа черезъ нее совершается въ бродъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы переѣзжали (верстахъ въ трехъ выше устья), вода доходила, мѣстами, выше брюха лошади и теченіе было довольно быстрое; хотя уже рѣка значительно спала. Въ половодье переправа здѣсь должна быть очень затруднительна и не безопасна.

Оби-кабудъ нѣсколько превосходитъ величиною предыдущую рѣку. Его верховья лежатъ на Алайскомъ и Гиссарскомъ краяхъ. Верхняя часть его теченія на всѣхъ нашихъ картахъ носитъ неправильное названіе Дехи-миля-удаль. ¹⁾ Это искаженное названіе одного кишлака, который въ сущности называется Дехи-мулла-бадалъ, что значитъ селеніе муллы-бадала, (вѣроятно перваго поселенца въ этой мѣстности). Названія населенныхъ пунктовъ, какъ извѣстно, очень часто переносятся на рѣки, около которыхъ они построены.

Съ верховьевъ Оби-кабуда, какъ сказано выше, существуетъ два перевала: одинъ Таракъ въ селеніе Сохъ Ферганской области, другой Ярхичъ на Зеравшанъ. Дороги на эти перевалы расходятся по видимому у селенія Дехи-мулла-бадалъ, до котораго отъ Хапта считаютъ четыре таша, то есть 32 версты. Ущелье, по которому Оби-

¹⁾ Не могу при этомъ случаѣ не указать на нѣкоторые другія искаженные названія средне-азиатскихъ мѣстностей, которыя получили полное право гражданства на картахъ, постоянно переходя съ одной на другую. Такъ мы всюду встрѣчаемъ Яккобакъ вмѣсто Якка-баго (единственный садъ). Кафирриганъ вмѣсто Кафирриганъ (скрытый Кафиръ. т. е. нечестный), Карачкумъ и Карачхумъ вмѣсто Каракчи-кумъ (разбойничьи пески) и т. д.

Подобныя ошибки вполнѣ неизбежны. Сарты и киргизы обыкновенно выговариваютъ слова весьма неотчетливо, проглатывая часть слоговъ; отъ этого происходитъ что при отсутствіи хорошаго переводчика (а ими край до сихъ поръ не богатъ) даже послѣ многократныхъ переспросовъ не удастся уловить звуковъ. Есть еще и другая причина искаженій. Во многихъ частяхъ края, занятыхъ теперь народностями тюркской расы, сохранились персидскія названія мѣстностей; народъ, не понимая словъ, взятыхъ изъ чуждаго ему языка, конечно перевираетъ ихъ; аналогичное явленіе мы встрѣчаемъ и среди русскаго просто-народа, гдѣ Шлашинъ, Ранбовъ, Амбуръ, замѣнили непривычныя для крестьянина вѣмецкія имена Шлиссельбурга, Ораніенбаума и Рапенбурга. Примѣръ подобнаго искаженія представляетъ, наиримѣръ, рѣка и селеніе Сангъ-гирдакъ (что значитъ окруженный камнями). Всѣ знающіе персидскій языкъ Бухарцы такъ намъ и называли ихъ; но мѣстные жители обыкновенно переиначивали это имя на разные лады и на карты попало оно въ искаженной формѣ—Сенгря-дагъ.

кабудь прорывается через Каратегинскій хребетъ, судя по разпросамъ, весьма узко и трудно проходимо; встрѣчается большое количество карнизовъ. Оби-кабудь, противъ Хаита, всего верстахъ въ трехъ отъ устья, течетъ нѣсколькими рукавами, тутъ черезъ него переправляются въ бродъ, который весьма не легокъ по причинѣ глубины и быстроты теченія. Выше Хаита существовалъ мостъ, который былъ снесенъ необыкновенно высокою полою водою въ 1878-мъ году. У своего низовья Оби-кабудь течетъ поперегъ продольной долины Каратегинскаго хребта. Образованные, такимъ образомъ, два отрѣзка этой долины орошаются двумя притоками Кабуда, текущими на встрѣчу другъ другу. Восточная часть долины коротка, не болѣе семи верстъ, она занята теченіемъ ручья Оби-хаитъ, у устья котораго и расположено селеніе того же имени. Въ головѣ долины находится небольшое озеро Хаузи-хаитъ (Хаитскій прудъ), не имѣющее прямого стока. Между озеромъ и истокомъ Оби-хаита замѣчается возвышенность, изъ подошвы которой и вытекаетъ Оби-хаитъ; онъ питается водою озера, которая просачивается сквозь щелины въ горныхъ породахъ.

Несравненно значительнѣе западный отрѣзокъ долины, имѣющій до 18-ти верстъ въ длину и версты 4 въ ширину. Онъ орошается Оби-ясманомъ, и принадлежитъ къ числу наиболѣе населенныхъ и хорошо обработанныхъ частей Каратегина. На западъ отъ Оби-ясмана находится переваль Сюзъ, ведущій на Соръ-бухъ, а на югъ, черезъ переваль Турпи, дорога выводитъ на Сурхабъ.

Рѣка Соръ-бухъ занимаетъ первое мѣсто между правыми притоками Сурхаба. Она прорывается черезъ Каратегинскій хребетъ ущельемъ Дараи-камарау; это послѣднее названіе распространено на многихъ картахъ на всю рѣку. Верховья Соръ-буха занимаютъ, повидимому, довольно большое пространство вдоль южныхъ склоновъ Гиссарскаго хребта. Съ нихъ, какъ сказано выше, существуютъ три перевала на верхній Зеравшанъ, именно Піобрутскій, Вадифскій и Пакшифскій. Недалеко отъ устья рѣка течетъ въ довольно широкой (версты въ двѣ) поперечной долинѣ съ развитыми береговыми террасами. У кишлака Подже устроены черезъ нее мосты; у самого устья рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ и тамъ при малой водѣ возможна переправа въ бродъ; но даже въ 20-хъ числахъ августа, когда мы видѣли рѣку, переправа была еще опасна.

Изъ лѣвыхъ притоковъ Сурхаба мы остановимся только на двухъ, именно на Мукъ-су и на Хулясь. Всѣ остальные притоки не заслуживаютъ названія рѣкъ: это простые ручьи, имѣющіе очень

небольшое пространство, такъ какъ гребень хребта Петра I-го вездѣ очень близко подходитъ къ Сурхабу. Начнемъ съ Мукъ-су и при этомъ опишемъ и орографію верхней части его бассейна, хотя она и не принадлежитъ Каратегину, а составляетъ часть Ферганской области. Эта мѣстность до нашей экспедиціи была посѣщена еще Л. Ф. Костенко въ 1876-мъ и И. В. Мушкетовымъ въ 1877-мъ годахъ. Но ни одинъ изъ нихъ не проходилъ далѣе Алтынъ-мазара, а потому намъ удалось значительно пополнить имѣвшіяся до сихъ поръ свѣдѣнія.

Алтынъ-мазаръ лежитъ у южной подошвы Терсъ-агарскаго перевала, который находится въ очень пониженной части Заалайскаго хребта, такъ какъ высота его равняется всего 10.000 футовъ.

Подъемъ на перевалъ очень постепененъ со стороны Алая; онъ идетъ все время по Тузь-су, лѣвому притоку Сурхаба. Поперечное ущелье, занятое теченіемъ Тузь-су носитъ названіе Тузь-дара и Алтынъ-дара. ¹⁾ Долина эта имѣетъ до 75-ти верстъ въ длину и на этомъ разстояніи представляетъ паденіе въ 1800 футовъ. Такимъ образомъ дорога весьма удобна и легко проходима, даже для верблюдовъ. Спускъ съ Терсъ-агарскаго перевала, на оборотъ, очень коротокъ и крутъ, но все таки онъ не представляетъ ни малѣйшей опасности. Я полагаю что высота Алтынъ-мазара равна или превосходить только немногимъ высоту Дараутъ-кургана. Алтынъ-мазаромъ называется гробница мусульманскаго святого хаджи Фазильманда, потомка халифа Омара. Она расположена на урочищѣ Кута-кушты, который главнѣйшимъ образомъ занятъ тугаемъ, ²⁾ и кромѣ того небольшими полями и почти совершенно покинутою нынѣ киргизскою зимовкою.

У Алтынъ-мазара и совершается сліянiе трехъ рѣкъ Соукъ-су, Каинды и Сель-су. Образованная ими Мукъ-су течетъ нѣсколькими рукавами по долинѣ, дно которой состоитъ почти сплошь изъ гальки. Долина имѣетъ около двухъ верстъ ширины. Съ юга она ограничивается высокимъ кряжемъ, прямо, безъ всякихъ предгорій, поднимающимся отъ долины рѣки значительно выше снѣжной линіи. Прямо противъ Алтынъ-мазара встаютъ въ этомъ хребтѣ три пика Шильбели, Сандаля и Музь-джилга. Первый изъ нихъ — самый восточный, онъ занимаетъ уголь, образованный соединеніемъ долинъ

¹⁾ Алтынъ-дара у Федченко, Тузь-арасы у Мушкетова.

²⁾ Тугай или токай — такъ называются въ Средней Азiи заросли деревьевъ и кустовъ, сопровождающія обыкновенно теченіе рѣкъ. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти заросли не заслуживаютъ названія лѣса, то я полагаю удобнымъ сохранить за ними мѣстное ихъ названіе.

рѣки Сель-су съ долиною Мукъ-су; Музь-джила, самый западный. Далѣе хребетъ ни съ Алтынъ-мазара ни съ Терсь-агарскаго перевала не виденъ; онъ закрытъ высотами Заалайскихъ горъ. Сандаля самый значительный изъ трехъ пиковъ, хотя и остальные два только весьма немногимъ уступаютъ ему въ высотѣ. Мнѣ казалось что снѣжная линія находится ниже чѣмъ на половинѣ ихъ высоты. Но, принимая, даже, что только половина ихъ покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, что его линія здѣсь находится на той же высотѣ какъ и на сѣверномъ склонѣ Заалайскаго хребта, т. е. на 14.000 футовъ надъ уровнемъ моря, и что самъ Алтынъ-мазаръ лежитъ на 8.500 футовъ мы получимъ что эти пики достигаютъ до 20.000 футовъ. Это опредѣленіе, вѣроятно, гораздо ниже дѣйствительности. Повторяю: я увѣренъ что линія вѣчнаго снѣга лежала ниже половины всей высоты Сандалья и по этому я и полагаю его высоту въ 24.000 футовъ. Какъ бы то ни было эти три пика принадлежатъ безспорно по своей величинѣ къ первокласснымъ горнымъ вершинамъ Средней Азіи. Видъ на нихъ и изъ Алтынъ-мазара и съ перевала Терсь-агаръ великолѣпнѣе. Ничто не поднимается между глазомъ зрителя и ихъ вершинами, которыя, благодаря своему близкому разстоянію, представляются воздымающимися къ самому небу. Мнѣ пришлось видѣть достаточно горныхъ мѣстностей и въ Альпахъ, и на Кавказѣ, и въ средней Азіи, но ни одна еще не поражала меня такъ своимъ суфовымъ величіемъ.

Со склоновъ Сандалья спускаются два небольшихъ ледника; каждый изъ нихъ имѣетъ, вѣроятно, менѣе версты въ длину и сажень сто ширины у своего нижняго конца. Они оканчиваются не доходя до долины и, какъ кажется, доступъ къ нимъ невозможенъ или по крайней мѣрѣ очень труденъ. Боковыя и конечныя морены ихъ хорошо развиты, среднихъ же совершенно нѣтъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не получаетъ боковыхъ притоковъ. Эти ледники были еще описаны г. Костенко и они нанесены на карты; что же касается до третьяго ледника, который показывается на картахъ спускающимся съ горъ около устья Каинды, то его не существуетъ.

Изъ трехъ рѣкъ, образующихъ Мукъ-су, главную массу воды приносятъ Сель-су, текущая прямо съ юга на сѣверъ. Должна ея имѣетъ тотъ же характеръ что и долина Мукъ-су. Она представляетъ такое же дно, все сплошь покрытое галькою и пескомъ и на немъ рѣка течетъ нѣсколькими рукавами. Долина ограничена слѣва склонами горы Шиль-бели, а справа болѣе низкими горами. Оба склона спускаются къ тальвегу очень круто, мѣстами они обрываются почти отвѣсно; ширина долины около двухъ верстъ. Такой

характеръ она сохраняетъ на разстояніи 17-ти верстъ и затѣмъ замыкается ледникомъ, изъ подъ котораго въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вытекаетъ Сель-су. Ледникъ, отъ котораго и сама рѣка получила свое названіе ¹⁾, образуется изъ двухъ главныхъ, сливающихся у своего конца. Первый и наибольшій изъ двухъ занимаетъ верхнее продолженіе долины Сель-су и потому имѣетъ направленіе съ сѣвера на югъ. Онъ обставленъ съ востока и запада высокими снѣжными вершинами; снизу ихъ можно прослѣдить взглядомъ верстъ на 15-ть. Затѣмъ горы расходятся такъ что ихъ продолженія не видно, и на югѣ также не видно ни одной вершины, которая бы замыкала верховье ледника. Поэтому нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о длинѣ его, но во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть короче 20-ти верстъ. Такимъ образомъ этотъ ледникъ принадлежит по своей величинѣ къ числу первоклассныхъ. Экспедиція назвала его ледникомъ Федченко, въ память Алексѣя Павловича Федченко.

У нижняго конца съ ледникомъ Федченко сливается другой глетчеръ, занимающій собою ущелье Танимасъ. Этотъ послѣдній гораздо короче; онъ имѣетъ общее направленіе съ запада на востокъ. Вся ширина ледника у нижняго конца около 2-хъ верстъ. Конечная морена развита только мѣстами, въ другихъ же частяхъ онъ оканчивается вертикальною ледяною стѣною до 30-ти сажень вышины; громадные обломки льда въ видѣ параллелипидовъ разбросаны кое гдѣ у основанія этой стѣны. Окончаніе ледника въ общемъ представляетъ собою кривую, выпуклость которой обращена наружу. Оно заходитъ частью въ долину рѣки Баяндъ-кінка, открывающуюся съ востока въ долину Сель-су. Ледникъ почти закупориваетъ устье долины Баяндъ-кінка, такъ что между скалами и ледяною стѣною остается узкій проходъ сажень въ 40 ширины. По разсказамъ Алтынъ-мазарскихъ старожиловъ бывають годы когда ледникъ совершенно замыкаетъ собою этотъ выходъ, преграждая путь Баяндъ-кінку, который тогда образуетъ озеро выше ледяной преграды. Вода прибываетъ въ немъ все болѣе и болѣе и наконецъ пробивается сквозь ледъ, слѣдствіемъ чего является сильное наводненіе въ долинахъ Селя и Мукъ-су. Послѣднее такое наводненіе произошло около 10-ти лѣтъ тому назадъ, при чемъ многіе тугай по Мукъ-су были совершенно смыты. Въ настоящее время ледникъ тоже, какъ кажется, движется впередъ. Мы были на немъ 12-го сентября. Тогда проходъ, которымъ прорывается

¹⁾ Сель на кара-киргизскомъ нарѣчій обозначаетъ ледникъ.

Баянд-кинкъ имѣлъ до 60-ти сажень, и ледъ въ этомъ мѣстѣ возвышался въ видѣ полуарки. На обратномъ пути черезъ три дня, мы нашли что сводъ этотъ обрушился и что обломки льда съузили проходъ до 40 сажень.—Въ части леднива, обращенной къ долинѣ Баяндъ-кинка конечная морена развита хорошо, и тутъ восхожденіе на ледникъ возможно; тамъ же гдѣ онъ оканчивается отвѣсными обрывами къ нему даже и подходить не безопасно по причинѣ постоянно падающихъ сверху камней. Мнѣ удалось послѣ нѣсколькихъ попытокъ взобраться на ледникъ. Передо мною возвышалась сажень на десять надъ поверхностью срединная морена; добраться до нея мнѣ не удалось. Не имѣя ни проводниковъ, ни настоящей горной обуви, ни, наконецъ, необходимой опытности, я не рискнулъ заходить далеко. Къ тому же поднялся вѣтеръ, показались облака и я, проведя на глетчерѣ два часа, вернулся назадъ. Склоны окружающихъ горъ у его конца спускаются къ нему очень круто, взобраться на нихъ совершенно не возможно и такимъ образомъ мнѣ не удалось даже издали осмотрѣть поверхность ледника и пересчитать хотя число его срединныхъ моренъ. На Алтынъ-мазарѣ я встрѣтилъ старика лѣтъ 60-ти, который въ дни своей молодости нерѣдко отправлялся на ледникъ для охоты за горными козлами. По его словамъ ледникъ тянется верстъ на 30-ть. Съ ледника существуетъ перевалъ въ Дарвазъ, извѣстный подъ именемъ Кашаль-аякъ, то есть длинноногій. Онъ выводитъ въ долину рѣки Ванча. Рѣшаются имъ пользоваться только самые опытные горцы и уже нѣсколько лѣтъ какъ черезъ него ни кто не проходилъ. Такъ какъ ледникъ находится въ нашихъ владѣніяхъ и добраться до него съ Алая очень легко, то можно надѣяться что кто нибудь въ недалекомъ будущемъ возьметъ на себя его изслѣдованіе. Прибавлю еще что нижній конецъ ледника находится, вѣроятно, на высотѣ около 9000 футовъ.

Баяндъ-кинкъ, какъ сказано выше, впадаетъ въ Сель-су справа. Эта рѣчка не имѣетъ въ своемъ верховьѣ глетчера, вода ея прозрачная, зеленая. Течетъ она по долинѣ, имѣющей направленіе съ востока на западъ. Съ ея верховьевъ существуетъ три перевала. Одинъ Кокуй-бель, выводитъ къ Кара-кулю, другой Каинды — на рѣку того же имени и наконецъ третій — Тахта-корумъ на урочище Полизъ и оттуда на Мургабъ, то есть въ Шугнанскія владѣнія. Мы и направлялись къ послѣднему изъ нихъ, но, пройдя всего верстъ 15 по Баяндъ-кинку, были принуждены возвратиться назадъ, такъ какъ тропинка оказалась совершенно непроходимой для

навьюченныхъ лошадей. Поэтому киргизы обыкновенно обходятъ этотъ плохой участокъ, слѣдуя сперва изъ Алтынъ-мазара вверхъ по Каиндѣ, а за тѣмъ черезъ переваль того же имени они спускаются въ долину Баяндъ-кинка, тамъ гдѣ движеніе по ней не представляетъ уже особенныхъ трудностей. Но для насъ этотъ путь былъ невозможенъ. Переваль Каинды покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, а благодаря предыдущей суровой зимѣ снѣга на перевалѣ накопилось очень много. При насъ пріѣхаль въ Алтынъ-мазаръ киргизъ, которому пришлось переводить черезъ этотъ переваль свою лошадь по кошмамъ, такъ какъ иначе она проваливалась въ снѣгъ. Памъ о такомъ способѣ передвиженія, при довольно большомъ количествѣ вьюковъ, конечно и думать было нечего. По этому мой личный осмотръ верховьевъ Мукъ-су только и ограничился теченіемъ Сель-су и нижней частью долины Баяндъ-кинка. Остальные двѣ рѣки, образующія Мукъ-су мнѣ извѣстны только по ихъ устьямъ. И Соукъ-су и Каинда текутъ въ ущельяхъ, направляющихся съ востока на западъ, въ ихъ верховьяхъ поднимаются высокія вѣчно-снѣговныя горы, которыя видны съ Терсъ-агара. Соукъ-су вытекаетъ изъ ледника; это несомнѣнно доказывается и разспросами и цвѣтомъ воды; эта рѣка золотоносна и въ ней съ давнихъ временъ киргизы добываютъ золотой песокъ въ незначительномъ, впрочемъ, количествѣ. Рѣка течетъ по очень узкому ущелью ¹⁾; дорога же вверхъ по рѣкѣ Каиндѣ, говорятъ, не представляетъ особыхъ трудностей.

Какъ сказано выше, изъ слиянія этихъ трехъ рѣкъ: Соукъ-су, Каинды и Сель-су образуется Мукъ-су. Все теченіе отъ Алтынъ-мазара до устья извѣстно только изъ разспросовъ. Поселенія, то есть киргизскія зимовки, находятся только у устья рѣки, недалеко отъ котораго существуетъ и мостъ у зимовки Лахшъ. Большая часть ущелья Мукъ-су, говорятъ, очень узка, дорога идетъ карнизами и настолько тяжела, что для навьюченныхъ лошадей непроходима. Да и пѣшкомъ по ней можно двигаться только лѣтомъ, такъ какъ зимою ущелье заваливается снѣгомъ. По словамъ нѣкоторыхъ кара-киргизъ на одинъ день пути отъ Алтынъ-мазара на Мукъ-су находится водопадъ, имѣющій высоту шести копій, то есть отъ 5 до 6 сажень. Другіе киргизы отрицали его существованіе. Устье Мукъ-су находитъ

¹⁾ Мнѣ говорили что съ верховьевъ Соукъ-су есть дорога, выводящая черезъ Заалайскій хребетъ на урочище Аралъ-кунгей, лежащее у сѣвернаго конца ущелья Тузь-дара.

ся у зимовки Думбрачи. Тут рѣка течетъ нѣсколькими рукавами, теченіе быстрое, вода грязная, — грязно-бураго цвѣта.

Другой, лѣвый притокъ Сурхаба есть Хулясь, который въ верхней части своего теченія: отъ истока до кр. Таби-даръ носитъ названіе Вахін. Экспедиція видѣла только устье этой рѣки. Долина ея ограничена отъ долины Сурхаба хребтомъ Петра I-го, а отъ долины Вапча другимъ, еще болѣе высокимъ хребтомъ. Какъ уже сказано выше, Хулясь у своего устья прорываетъ хребтъ Петра I-го и только часть его теченія, лежащая ниже прорыва, принадлежитъ Каратегину; вся же долина его входитъ въ составъ Дарваза. Поэтому я и отложу сообщеніе имѣющихся объ ней свѣдѣній до описанія этой послѣдней страны.

Каратегинъ, какъ извѣстно, занятъ двумя народностями: вся его западная часть населена таджиками, восточная же — кара-киргизами. Только въ самомъ крайнемъ западномъ углу Каратегина на верховьяхъ Оби-гармъ-дарьи находятся еще лѣтовки узбекскаго рода Каллувъ, зимовки котораго расположены въ Гиссарскомъ краѣ. Какъ кажется, территория, занятая таджиками, медленно расширяется, оттѣсня на востокъ киргизскія кочевки. Мы говорили что лѣтъ сорокъ тому назадъ вся долина Сурхаба, выше устья Обикабуда, принадлежала кара-киргизамъ. Въ настоящее же время пространство между устьями Обикабуда и Обизанку занято таджиками. Только начиная отъ долины этой послѣдней рѣки, вверхъ по Сурхабу, мы встрѣчаемся со сплошнымъ кара-киргизскимъ населеніемъ.

Таджики, какъ и вездѣ въ Средней Азій, ведутъ исключительно осѣдлый образъ жизни. Селенія ихъ очень многочисленны, но зато весьма невелики. Очень нерѣдки кишлаки, состоящіе всего изъ пяти дворовъ; въ Гармѣ, столицѣ Каратегина, считаютъ всего 300 домовъ. Городовъ, собственно говоря, не существуетъ ни одного, нѣтъ, даже, ни одного торговаго центра, ни одного пункта въ которомъ бы существовалъ базаръ. Крѣпости устроены въ Гармѣ ¹⁾, въ Мужу-харфѣ, въ Оби-гармѣ, Намдонакѣ и въ Калаи-ляби-объ. Главная масса кишлаковъ расположена въ средней части долины Сурхаба, между устьемъ Соръ-буха и Гармомъ; еще гуще населена

---

¹⁾ Я придерживаюсь транскрипціи, получившей право гражданства, хотя она неправильна; слѣдовало бы писать Армѣ (айнъ, ре, минъ). Въ этомъ словѣ звукъ *a* произносится глубоко въ горлѣ.

долина рѣки Оби-ясмана. Долины же притоковъ Сурхаба, судя по разпросамъ, мало населены.

Главное занятіе таджиковъ земледѣліе. Хлѣба производится въ Каратегинѣ столько, что часть его вывозится въ долину верхняго Зеравшана и въ Дарвазъ. Поля двухъ родовъ: дождевыя и искусственно орошаемыя. Количество послѣднихъ сравнительно ничтожно, такъ какъ подъ нихъ необходимо выбирать ровныя площадки, на которыя возможно бы было провести воду. Какъ было сказано выше, почва береговыхъ террасъ обыкновенно не годится для культуры по причинѣ своего состава: громадное количество гальки препятствуетъ разработкѣ ихъ. Поэтому орошенныя поля встрѣчаются обыкновенно самыми незначительными клочками. Только одна долина Оби-ясмана орошена почти сплошь. На орошенныхъ поляхъ сѣютъ просо (*Panicum miliaceum*), просянку (*Setaria italica*), люцерну, ленъ, табакъ, дыни, арбузы, овощи а именно морковь, лукъ, свеклу, рѣдьку и въ очень небольшомъ количествѣ капусту; кромѣ того изрѣдка встрѣчается мансъ и хлопчатникъ; послѣдній разводится очень рѣдко, я видѣлъ всего два маленькихъ клочка земли подъ нимъ, не далеко отъ Гарма. Хлопокъ весьма часто гибнетъ отъ раннихъ морозовъ и поэтому посѣвы нерѣдко пропадаютъ, не давая никакого сбора.

Около кишлаковъ въ горные склоны, если только они покрыты растительною землею и если ихъ крутизна не представляетъ неодолимыхъ трудностей, заняты полями дождевыми. Такіе поля поднимаются часто очень высоко надъ долиною и нерѣдко они находятся на такихъ крутыхъ склонахъ, что требуются значительныя усилія чтобы взойти на нихъ. Несмотря на это каратегинцы ухитряются вспахивать эти склоны плугомъ въ который запрягается пара воловъ. Хлѣбъ свозится съ поля на саяхъ, такъ же какъ и во многихъ другихъ горныхъ частяхъ Туркестана и даже на Кавказѣ, напримѣръ въ Сванетіи. Сани короткія, легкія, имѣютъ дышло, къ которому впрягаютъ тоже пару воловъ. На неорошенныхъ поляхъ сѣютъ, главнымъ образомъ, пшеницу и затѣмъ ячмень; воздѣлываются они исключительно какъ яровой хлѣбъ; озимыхъ посѣвовъ не существуетъ.

При кишлакахъ существуютъ и сады, доставляющіе нѣкоторое подспорье жителямъ. Чаще всего изъ плодовыхъ деревьевъ встрѣчается шелковица, какъ бѣлая такъ и черная. Размятыя и высушенныя на солнцѣ или въ печкѣ ягоды шелковицы употребляются въ пищу; масса эта, извѣстная подъ именемъ гуть-гал-

ванъ хорошо сохраняется, и зимою составляетъ главное подспорье къ хлѣбу. Кромѣ тута разводять персики, абрикосы, виноградъ, сливы, вишни, черешни, яблоки, груши, айву и грецкій орѣхъ. Только два вида фруктовыхъ деревьевъ распространенныхъ въ Туркестанѣ не поднимаются въ Каратегинскія долины; это — смоковница и гранатникъ. Всѣ перечисленныя выше деревья разводятся еще въ Калаи-хантѣ, абрикосы доходятъ до Занку; а дикая яблонь встрѣчается у зимовки Ачикъ-альма не много ниже Кичикъ-карамука. Кромѣ воздѣлываемыхъ плодовъ каратегинцы пользуются еще и дикорастущими, количество которыхъ довольно велико въ особенности въ нижнемъ Каратегинѣ, начиная отъ устья Соръбуха. Тамъ особенно часто встрѣчается какой то видъ *Rubus* съ желтыми и красными плодами, величиною съ крупную вишню; тюркское названіе этого дерева — тагъ-алюча, то есть горная вишня. Кромѣ того въ дикомъ же состояніи встрѣчаются: орѣхъ, яблонь, боярышникъ, барбарисъ, фисташникъ (очень рѣдко) и обліпиха; плоды послѣдней, впрочемъ, не употребляются въ пищу.

Скотоводство у таджиковъ играетъ второстепенную роль. Особенно поражаетъ почти полное отсутствіе ослонъ, которые особенно часто разводятся горными таджиками въ другихъ частяхъ Туркестана, (какъ напримѣръ въ долинѣ верхняго Зеравшана, въ Ходжентскомъ уѣздѣ, и въ Ферганской области. Для полевыхъ работъ употребляется исключительно рогатый скотъ. Весьма замѣчательна особая порода мелкихъ козъ, покрытыхъ очень длинною и довольно грубою шерстью, доходящею почти до земли. Баранья и козья шерсть придется каратегинцами и употребляется на выдѣлку суковъ и на вязаніе шерстяныхъ чулокъ; суконовые чекмени составляютъ, какъ кажется, особенность въ костюмѣ каратегинцевъ и жителей верхняго Зеравшана.

Хотя большая часть продуктовъ для жизненныхъ потребностей добывается каратегинцами на мѣстѣ, но они не могутъ обойтись безъ нѣкоторыхъ привозныхъ предметовъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаютъ хлопокъ и желѣзо. Хлопокъ и хлопчато-бумажныя матеріи ввозятся изъ Ферганской области и изъ Дарваза, желѣзо же главнымъ образомъ изъ послѣдней области. Торговля этими предметами производится странствующими купцами изъ Ферганской области, а также жителями Дарваза и верхняго Зеравшана. Характеръ торговли почти исключительно мѣнковой; количество звонкой монеты въ Каратегинѣ очень невелико, но тамъ ходять бухарскія и кокандскія теньги (монеты, цѣнностью равняющіяся 20-ти копѣйкамъ). Пред-

метомъ вывоза служить, главнымъ образомъ, хлѣбъ, затѣмъ пушной товаръ и именно шкурки куницъ и лисицъ. Хлѣбъ продается на мѣру; единицею служить батманъ ¹⁾, который равняется 15-ти чашкамъ или 45-ти тюбетейкамъ, насыпаннымъ верхомъ. Не смотря на сильныя колебанія въ величинѣ этой единицы, стоящей въ зависимости отъ размѣровъ головы продавца, она употребляется во всемъ Каратегинѣ. Лѣтомъ 1878-го года такой батманъ пшеницы стоилъ въ Гармѣ 10 тенегъ, т. е. 2 рубля, тогда какъ зимою 1877-78 годовъ цѣна его была вдвое больше.

Весьма многіе каратегинскіе таджики ходятъ на заработки, и чаще всего занимаются сарайманами, то есть рабочими въ караванъ-сарай. Въ этомъ качествѣ ихъ можно встрѣтить во всѣхъ большихъ городахъ русскаго Туркестана и бухарскихъ владѣній. Это занятіе составляетъ почти ихъ исключительную монополію; своею испытанною честностью и большою силою, позволяющею имъ перетаскивать тяжести въ 9 — 10 пудовъ, они почти всеѣмъ вытѣснили конкурентовъ прочихъ народностей. Какъ всѣ горцы каратегинцы очень привязаны къ своей родинѣ и весьма рѣдко случается чтобы рабочій, сколотивъ себѣ нѣсколько денегъ, не вернулся домой. На заработанную сумму они обыкновенно покупаютъ хлопковую пряжу, для которой всегда найдется сбытъ въ Каратегинѣ и пускаются въ обратный путь шѣшкомъ, таща на спинѣ грузъ пуда въ два.

Восточная часть Каратегина занята кара-киргизами родовъ Кара-таитъ, Тупчакъ и Гыдырина. Зимовки ихъ расположены какъ по долинѣ Сурхаба, такъ и въ низовьяхъ Оби-запу, Кичикъ-карамукъ-су и Мукъ-су; лѣтовки же ихъ доходятъ до границы вѣчныхъ снѣговъ, на южномъ склонѣ Алайскаго хребта и на сѣверной сторонѣ хребта Петра I-го. Какъ вездѣ, они ведутъ кочевой образъ жизни, занимаясь главнымъ образомъ скотоводствомъ. Но и хлѣбонашество у зимовокъ довольно значительно; есть хозяева, засѣвающие до 20-ти батмановъ хлѣба, который даетъ средній урожай самъшесть. Хлѣбонашество обыкновенно ведется исподу; богатый киргизъ снабжаетъ своего бѣднаго одноаульца сѣменами и рабочимъ скотомъ, за что получаетъ половину урожая. Богатые киргизы

¹⁾ Въ другихъ мѣстностяхъ Туркестана батманъ превратился изъ единицы мѣры въ единицу вѣса, но величина его всюду не одинакова; такъ напримѣръ ташкентскій батманъ равенъ 10½ пудамъ, ура-тюбинскій—16-ти а бухарскій—8-ми пудамъ. Сверхъ того употребляется въ торговлѣ шелковый батманъ, равный 10-ти фунтамъ.

сами никогда не остаются у полей; такъ какъ ихъ богатство состоитъ, главнымъ образомъ въ скотѣ, то они по необходимости принуждены лѣтомъ подниматься въ болѣе высокіе пояса. Трава у зимовокъ бережется на зиму и скотъ, какъ и вездѣ у киргизъ, долженъ добывать ее тамъ изъ подъ снѣга. Для этой цѣли въ особенности удобны склоны горъ, съ которыхъ снѣгъ сдувается сильными вѣтрами. По этому для благосостоянія киргизъ необходима малоснѣжная и вѣтряная зима; сильныхъ же морозовъ ни они сами ни скотъ ихъ не боятся. Но если снѣга выпадетъ очень много, если, притомъ, вѣтры не очистятъ отъ него хотя нѣкоторыхъ открытыхъ пространствъ около зимовокъ, тогда скотъ, лишенный возможности дорыться до корма, умираетъ голодною смертію. Именно такое бѣдствіе постигло киргизъ зимою 1877—78 года и оно особенно тяжело отозвалось на кочевникахъ, имѣющихъ зимовки въ Каратегинѣ и на Алаѣ. Намъ отъ нихъ пришлось всюду выслушивать рассказы о той нуждѣ, которую они испытали въ эту зиму и мы могли убѣдиться лично, что рассказы эти не были преувеличены. Эта зима была очень сурова во всей Средней Азіи. Снѣгъ даже на низменности держался долго, такъ что въ Ташкентѣ, напримѣръ, санный путь простоялъ около мѣсяца, причемъ морозы доходили до 22° R. Въ горахъ, конечно, снѣга навалило цѣлыя массы. Мѣстами въ долинѣ Сурхаба глубина его доходила по рассказамъ жителей, до двухъ сажень. Затѣмъ наступили жестокіе морозы при полномъ безвѣтріи, тогда какъ обыкновенно сильные вѣтры почти постоянно дуютъ на всѣхъ средне-азіатскихъ, высоко поднятыхъ долинахъ. Скотъ, не находя корму, началъ слабѣть. Киргизы, не заготавливающіе, какъ извѣстно, сѣна на зиму, стали кормить скотъ зерномъ, припасеннымъ для собственнаго продовольствія; конечно они расходовали эти запасы очень бережливо, чтобы только хоть кое-какъ поддержать свой скотъ и не дать ему подохнуть съ голоду. Наконецъ и зерна не стало. Начался падежъ, да и самимъ киргизамъ угрожала голодъ. Тѣ изъ нихъ, которые имѣли деньги, были принуждены отправиться въ таджикскія поселенія для покупки муки и пшена. Но много лошадей уже подохло, а оставшая часть до того ослабѣла отъ безкормицы, что едва могла держаться на ногахъ. И вотъ киргизамъ, которые въ обыкновенное время садятся на лошадь чтобы сдѣлать какія нибудь полверсты, пришлось отправляться пѣшкомъ верстъ за 60 — 80, и возвращаться домой, таща на спинѣ два или три пуда муки. Въ таджикскихъ селеніяхъ хлѣбъ былъ не дешевъ. Урожай предъидущаго лѣта

былъ не особенно блестящій, а большинство свободныхъ запасовъ было скормлено скоту. Поэтому въ киргизскихъ зимовкахъ хлѣбъ дошелъ до баснословно высокой цѣны—именно 20 коп. за тибетейку пшена. Скота у киргизъ пало очень много, особенно пострадали бараны. У иныхъ лицъ, имѣвшихъ прежде до 2.000 овецъ осталось къ веснѣ штукъ по 50-ти. Между лошадьми смертность была тоже очень велика; на слѣдующее лѣто мнѣ удалось на Алаѣ достать только небольшой турсочокъ кумыса, который мнѣ привезли какъ рѣдкость; цѣны на лошадей стояли очень высокія. Лучше прочихъ выдержали голодовку верблюды. Относительно этихъ послѣднихъ я долженъ замѣтить, что у каратегинскихъ и у алайскихъ каракиргизъ исключительно встрѣчаются двугорбые верблюды (*Camelus bactrianus*) и кошмаки, то есть помѣсь этихъ послѣднихъ съ дромадерами, чистокровные же дромадеры (наръ. — *Cam. dromedarius*) совершенно не разводятся въ этихъ горныхъ мѣстностяхъ. — Яки (*Poephagus grunniens*) тоже не держатся каратегинскими каракиргизами, они встрѣчаются на Алаѣ выше Катта-карамука; первое стадо яковъ я видѣлъ на урочищѣ Мамай, верстахъ въ 8-ми къ востоку отъ Дараута.

Въ заключеніе этого краткаго очерка мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ о путяхъ сообщенія. Дороги въ Каратегинѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ горныхъ странахъ Средней Азіи, исключительно вьючныя. Главный путь, идущій вдоль всего Каратегина по правому берегу Сурхаба открытъ круглый годъ, случается, иногда, что сильные бураны прерываютъ сообщеніе на нѣсколько дней. Какъ говорить доступъ къ нѣкоторымъ селеніямъ, лежащимъ въ боковыхъ ущельяхъ, становится совершенно невозможнымъ во все продолженіе зимы, такъ что ихъ жители въ это время года совершенно отрѣзаны отъ остального свѣта. Вышеуказанный главный путь, по которому прошла и наша экспедиція не можетъ быть названъ особенно тяжелымъ. Конечно и на немъ какъ на всякой горной дорогѣ, не мало крутыхъ подъемовъ и спусковъ, узкихъ, высоко продѣланныхъ надъ рѣкою карнизовъ, животрепещущихъ мостовъ и другихъ, тому подобныхъ, трудныхъ мѣстъ. Въ особенности тяжела часть пути, лежащая между устьемъ Оби-гармъ-дарьи и Али-галабономъ, гдѣ тропинка два раза поднимается очень круто на значительную высоту надъ рѣкою и идетъ около почти отвѣсныхъ обрывовъ, но и этотъ участокъ, въ томъ видѣ какъ я его засталъ, не представлялъ никакихъ опасностей: онъ былъ раздѣланъ для прохода бухарскихъ войскъ;

говорятъ что надъ этимъ трудилось отъ 500 до 1000 человѣкъ въ теченіи десяти дней; прежде же на немъ бывали нерѣдко несчастные случаи.

Главную трудность для движенія представляютъ броды черезъ Оби-кабудъ и Оби-занку: въ іюнѣ и іюлѣ, послѣ очень снѣжныхъ зимъ, переправа черезъ нихъ едва ли можетъ считаться безопасною.

Что касается дороги, идущей по противоположному, лѣвому берегу Сурхаба, то она и по разспросамъ и на основаніи общаго характера мѣстности несравненно труднѣе только что описанной. Хребетъ Петра I слишкомъ близко подходитъ къ рѣкѣ и съ его снѣжныхъ вершинъ сбѣгаетъ въ Сурхабъ большое количество ручьевъ, прорывшихъ глубокіе овраги съ очень крутыми склонами. Эти то овраги и представляютъ серьезныя препятствія при проложеніи дороги.

Изъ всего вышесказаннаго не слѣдуетъ, впрочемъ, заключать, что Каратегинъ можетъ представить удобный путь для сколько нибудь значительнаго военнаго отряда или даже для большого каравана. Въ такихъ случаяхъ было бы трудно достать потребное количество фуража. Подножный кормъ встрѣчается далеко не вездѣ, особенно его мало въ среднемъ Каратегинѣ, между устьями Соръ-буха и Оби-кабуда. Количество высѣваемой люцерны очень не велико и его только что достаточно для мѣстныхъ жителей. Наконецъ и ячмень сѣютъ тоже не въ большомъ количествѣ и онъ часто бываетъ смѣшанъ съ пшеницею. Поэтому, хотя черезъ Каратегинъ и проходитъ ближайшая дорога изъ Гиссарской долины въ Кашгаръ, но ею едва ли будутъ пользоваться большіе караваны, если торговля между этими мѣстностями когда либо сдѣлается значительною, чего впрочемъ и ожидать теперь невозможно. Въ такомъ случаѣ весьма кружной путь черезъ Самаркандъ Джизакъ, Ходжентъ, Ошъ и Терекъ-даванъ будетъ удобнѣе прямой дороги черезъ Каратегинъ. Но для небольшихъ партій, человѣкъ въ 20—30 и вьюковъ 30—40 эта послѣдняя дорога весьма выгодна и сравнительно довольно хороша.

II.

ДАРВАЗЪ.

Хотя мнѣ и не пришлось быть въ этой странѣ, но я полагаю не лишнимъ сообщить о ней тѣ свѣдѣнія, которыя удалось добыть путемъ разспросовъ отъ лицъ, посѣщавшихъ ее. Дарвазъ составлялъ еще недавно фактически независимое владѣніе; его властитель, носившій титулъ *Ша*, считался, правда, вассаломъ бухарскаго эмира, но эта зависимость выражалась только отправленіемъ каждый годъ въ Бухару весьма нецѣнныхъ подарковъ, за которыя эмиръ всегда отдаривалъ. Во всѣхъ же внутреннихъ дѣлахъ Ша распорядился совершенно самостоятельно. Послѣднимъ дарвазскимъ владѣтелемъ былъ Сераджъ-этдинъ-ханъ, онъ состоялъ въ родствѣ съ Каратегинскимъ Ша—Мухаммедъ-сайдомъ. Когда послѣдній былъ заключенъ въ 1877-мъ году подъ стражу и Каратегинъ былъ окончательно присоединенъ къ бухарскимъ владѣніямъ, тогда Сераджъ-этдинъ провозгласилъ себя независимымъ и отказался отъ посылки эмиру тартука, то есть подарковъ. Тогда бухарское войско подъ начальствомъ Худай-назаръ-датхи, новаго каратегинскаго бека двинулось въ дарвазскія владѣнія, въ декабрѣ 1877-го года. Война была, повидимому, не кровопролитна, но затянулась до весны 1878-го года благодаря глубокимъ снѣгамъ и жестокимъ морозамъ, которыми отличалась эта зима во всей Средней Азій. Была, говорятъ, только одна серьезная битва около Калаи-хума, во время которой дарвазцы потеряли 200 человѣкъ, тогда какъ у бухарцевъ вышло изъ строя будто-бы всего три человѣка. Едва ли можно вѣрить этому послѣднему показанію. Какъ бы то ни было дарвазцы были разбиты на голову, Ша попался въ плѣнъ и былъ увезенъ въ Бухару, гдѣ до сихъ поръ содержится подъ стражей. Большая часть его семьи и въ томъ числѣ его наслѣдникъ Мухаммедъ-афзаль-ханъ успѣли спастись въ Шугнанъ, откуда они перенбрались въ Ферганскую область, гдѣ и живутъ до сихъ поръ. Такимъ образомъ Дарвазъ былъ присоединенъ къ владѣніямъ эмира Музафара. Бекомъ дарвазскимъ былъ назначенъ Худай-назаръ-датха. Но, повидимому, совершенно успокоить дарвазцевъ не

удалось: покрайней мѣрѣ въ 1878-мъ году тамъ находилось до 5000 бухарскихъ войскъ, взятыхъ преимущественно изъ Гиссарскаго края и Каратегина, такъ что крѣпости этихъ послѣднихъ мѣстностей были почти безъ гарнизоновъ.

Дарвазъ есть горная страна, занимающая долину Пянджа отъ шугнанской границы до Куляба и долины двухъ большихъ рѣкъ Ванча и Хуляса. Населеніе, повидимому сильно разбросанное, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ Таджикивъ; только на верховьяхъ Хуляса есть немного кочевниковъ — кара-киргизъ. Земли удобной къ обработкѣ сравнительно немного, за исключеніемъ долины Хуляса, поэтому хлѣба сѣютъ мало, а преимущественно занимаются воздѣлываніемъ хлопка, который и промѣниваютъ въ Каратегинѣ на пшеницу. Подспорьемъ хлѣбу, а въ иныхъ мѣстахъ, говорятъ, и главною пищею служатъ ягоды шелковицы, заготовляемыя въ прокъ. Листья тутъ идутъ на кормъ скоту, шелководствомъ совершенно не занимаются. Предметами вывоза, кромѣ хлопка, служатъ еще желѣзо и золото. Желѣзо выдѣлывается изъ руды, добываемой близъ укрѣпленія Ванча; вѣроятно она встрѣчается тамъ въ большомъ количествѣ; мнѣ рассказывали что тамъ цѣлая желѣзная гора!

Дарвазъ, судя по рассказамъ, представляетъ страну, весьма трудно проходимую: дорогъ, сколько нибудь удобныхъ для вьючнаго движенія, кромѣ дороги изъ Гарма въ Калаи-хумъ, и другой, идущей вдоль по долинѣ Хуляса, нѣтъ совершенно. Большинство остальныхъ дорогъ представляютъ изъ себя не болѣе какъ пѣшія тропинки; къ тому же требуется долгая практика, чтобы пробраться по этимъ дорожкамъ. Каратегинцы отзывались про такія мѣста что «тамъ ходятъ дарвазцы, а мы не пройдемъ». А между тѣмъ каратегинцы мастера ходить по горамъ. Главныя трудности состоятъ въ большомъ количествѣ очень узкихъ ущелій, съ почти отвѣсными скалами; дно ущелья занято рѣкою, разработать дорогу карнизомъ нельзя и приходится прибѣгать по этому къ головоломнымъ искусственнымъ сооруженіямъ. Впрочемъ дороги эти не такъ страшны, какъ это принимали у насъ еще недавно. Какъ извѣстно въ литературѣ существуютъ рассказы о томъ, что мѣстами въ Дарвазѣ путешествуютъ въ корзинахъ: будто бы вдоль стѣны ущелья расположенъ рядъ корзинъ, висящихъ на веревкахъ; путешественникъ садится въ первую корзину, раскачивается пока не достигнетъ до второй, цѣпляется за ея край, перебирается въ нее и продолжаетъ далѣе этотъ маневръ, пока не достигнетъ послѣдней корзины. Этотъ способъ передвиженія казался мнѣ совершенно

невозможнымъ: я не понималъ какъ ухитрились привѣсить эти корзины, на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что отъ одной до другой невозможно достать рукою.

Первые каратегинцы, которыхъ я началъ спрашивать о Дарвазѣ, подтвердили мнѣ существованіе такихъ мудреныхъ сооруженій, но всѣ эти лица сами ихъ не видали. Наконецъ мнѣ удалось напасть на человѣка, исходившаго много по Дарвазу, и тогда загадка объяснилась очень просто: корзины свелись на балкончики особаго устройства. Я уже выше говорилъ о томъ, какъ устраиваются, обыкновенно, эти балкончики. Въ Дарвазѣ же вбитыя горизонтально бревна (обыкновенно довольно тонкія) просто заплетаются иногда хворостомъ; для приданія большей прочности всему сооруженію, къ свободнымъ концамъ бревенъ мѣстами привязывается веревка, а другой конецъ ея прикрѣпляется надъ бревномъ къ какому нибудь выдающемуся камню или къ стволу дерева. Попадаются балкончики довольно длинныя, и они качаются конечно, подъ ногами идущаго. Вотъ этими то фактами и воспользовалась народная фантазія и изъ нихъ сложила фантастическій рассказъ о корзинахъ.

Въ Дарвазѣ мѣстами устраиваютъ балкончики и инымъ способомъ, именно кладутъ одну или двѣ доски прямо на вколоченныя бревна. Эти плетневые и досчатые балкончики конечно доступны только для пѣшихъ; они говорятъ часто по долгу не ремонтируются и поэтому на нихъ иной разъ бывають несчастные случаи съ путешественниками.

Городовъ въ Дарвазѣ не существуетъ, покрайней мѣрѣ нѣтъ ни одного базарнаго пункта. Тамъ находится, впрочемъ, нѣсколько крѣпостей, изъ которыхъ главныя Калаи-хумъ, ¹⁾ Калаи-ванчъ, Чильдара и Таби-дара.

Калаи-хумъ находится на правомъ берегу Пянджа; онъ издавна былъ столицею Дарваза и резиденціею дарвазскаго ша; и теперь, послѣ присоединенія Дарваза къ Бухарѣ, онъ остался главнымъ административнымъ пунктомъ: тамъ живетъ бекъ. Хумская цитадель считается очень сильною; Каратегинцы мнѣ говорили, что она гораздо больше и лучше Гармскаго. Жителей въ Калаи-хумѣ очень немного, всего считаютъ тамъ до ста домовъ. Цитадель распо-

---

¹⁾ На всѣхъ картахъ слово это пишется Кила-хумъ. Кажется эта орфографія взята съ англійскаго: Kilah-i-Khumb. Я совершенно не понимаю почему англичане присвоили такую транскрипцію.

ложена у впаденія въ Пянджъ рѣки Хумбоу. Самъ Пянджъ течетъ здѣсь однимъ русломъ и его теченіе на столько покойно, что осенью и зимою черезъ него возможна переправа на лодкахъ; въ полую воду практикуется переправа на гупсарахъ. Названіе Калаихумъ — что значитъ Кувшинная крѣпость — произошло, говорятъ, отъ камня, имѣвшаго видъ кувшина и находившагося у истоковъ рѣки Хумбоу. Камень этотъ былъ разбитъ во время послѣдней войны бухарскими солдатами. Этотъ же кувшинообразный камень даль, повидимому, имя и рѣкѣ Хумбоу; впрочемъ происхожденіе этого послѣдняго названія для меня непонятно; кувшинная рѣка должна бы называться Оби-хумъ или Хумъ-объ; но сколько я ни переспрашивалъ, мнѣ всегда говорили что настоящее имя рѣки Хумбоу.

Изъ Калаи-хума ведутъ дороги вверхъ и внизъ по Пянджу. Обѣ очень трудны. Первая изъ нихъ (верховая) идетъ по правому берегу рѣки до крѣпости Джумарчъ, находящейся у устья рѣки Ванча. Эта крѣпость разрушена бухарцами. Въ двухъ ташахъ выше Джумарча долина Пянджа переходитъ въ очень узкое ущелье, извѣстное подъ именемъ Яс-гилянъ. Черезъ это ущелье производятся сообщенія Дарваза съ Шугнаномъ. Оно проходимо, говорятъ, только для пѣшеходовъ, не смотря на это въ немъ разсыяно до ста домовъ.

Отъ Джумарча идетъ еще дорога вверхъ по рѣкѣ Ванчу. Крѣпость Ванчъ находится на этой рѣкѣ въ 8 верстахъ отъ Джумарча. Выше этого пункта долина Ванча населена довольно слабо. Мы уже говорили выше, что съ верховьевъ Ванча существуетъ перевалъ — Башаль-аякъ — на Мукъ-су, если только можно назвать переваломъ горный проходъ, которымъ рѣшаются пользоваться самые опытные пѣшеходы и который непроходимъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Другой перевалъ — Сарги — ведетъ съ Ванча въ долину рѣки Хуляса. По всѣмъ вѣроятіямъ существуютъ перевалы съ Ванча на нижнюю часть долины рѣки Мургаба или Акъ-су, принадлежащую Шугнану ¹⁾ но никто изъ каратегинцевъ не могъ мнѣ ничего сообщить объ этомъ вопросѣ.

Изъ всѣхъ свѣдѣній, добытыхъ мною путемъ разспросовъ, наибольшими подробностями отличаются тѣ, которыя касаются дорогъ, ведущихъ изъ Каратегина въ Дарвазъ, и теперь я перейду къ ихъ описанію.

---

¹⁾ Эта сѣверная часть Шугнанскихъ владѣній извѣстна подъ именемъ Рушана или Рушуна.

Дорога из Гарма в Калан-хумъ идетъ сперва внизъ по правому берегу Сурхаба и затѣмъ у кишлака Сари-пуля, гдѣ находится мостъ, переходитъ на лѣвый берегъ рѣки. Тутъ дорога раздѣляется на двѣ, снова сходящіяся у дарвазской крѣпости Чиль-дара.

Одна изъ этихъ дорогъ идетъ по Камчиракскому перевалу, который уже описанъ нами выше. Это самый прямой путь отъ Гарма въ Чиль-дары: по ней считается между этими пунктами $\frac{1}{2}$ дня пути, то есть около 30-ти верстъ. Вершина перевала находится отъ Гарма въ двухъ ташахъ, то есть въ 16-ти верстахъ.

Съ перевала дорога идетъ вдоль ручья Шакъ-объ, у устья котораго и расположено укрѣпленіе Чиль-дара на правомъ берегу Хуляса. Въ этомъ мѣстѣ южный склонъ хребта Петра I-го покрытъ лѣсомъ, который подходитъ вплотъ къ Чиль-дара. Дорога черезъ Камчиракъ доступна только лѣтомъ, а потому для зимняго сообщенія пользуются другою.

Этотъ второй путь ведетъ отъ Сары-пуля внизъ по лѣвому берегу Сурхаба до устья Хуляса и проходитъ черезъ хребетъ Петра I-го по ущелью, которымъ прорывается эта рѣка. Въ этомъ ущельи, повидимому, есть очень узкое мѣсто; его обходятъ черезъ небольшой перевалъ Яфичъ, получившій свое названіе отъ баратегинскаго кишлака, расположеннаго на его вершинѣ. Вся долина Хуляса за этимъ переваломъ принадлежитъ Дарвазу. Хулясь только осенью и зимою кое-гдѣ проходимъ въ бродъ; поэтому черезъ него устроены мостъ ниже Чиль-дара, у дарвазскаго кишлака Пашаль. Все разстояніе по этой зимней дорогѣ отъ Гарма до Чиль-дара равняется почти 60-ти верстамъ; а именно:

Отъ Гарма до Сары-пуля 6 верстъ.

Устье Хуляса 30 верстъ.

Яфичъ 8 верстъ.

Чиль-дара 16 верстъ.

У Чиль-дара лѣтняя и зимняя дороги соединяются. Отъ Чиль-дара идетъ хорошая дорога по правому берегу Хуляса; тутъ долина его хорошо обработана и довольно густо населена. Противъ укрѣпленія Таби-дара находится мостъ черезъ Хулясь. Таби-дара расположена на лѣвомъ берегу Хуляса, въ 24-хъ верстахъ отъ Чиль-дара.

У Таби-дара дорога оставляетъ долину Хуляса и направляется къ кишлаку Сагри-даштъ. Этотъ послѣдній стоитъ на рѣкѣ того же имени, впадающей въ Хулясь нѣсколько выше Таби-

дара. Долина Сагри-дашта въ своей нижней части переходитъ въ узкое, трудно-проходимое ущелье, поэтому имъ пользуются только зимою, когда снѣга дѣлаютъ недоступною прямую дорогу изъ Таби-дара на Сагри-даштъ. Лѣтомъ же изъ Таби-дара поднимаются прямо на переваль Захъ-бурси; онъ говорятъ не ниже Камчирана, подъемъ крутъ и каменистъ, спускъ нѣсколько легче. Все разстояніе отъ Таби-дара до Сагри-дашта по прямой дорогѣ равняется 16-ти а по зимней 24-мъ верстамъ.

За Сагри-даштомъ дорога ведетъ черезъ Дарвазскій хребетъ, служащій здѣсь водораздѣломъ между системами Сурхаба и Пянджа. Для прохода служить переваль Хобу-рабатъ; онъ ниже перевала Захъ-бурси но каменистѣе и круче его, особенно спускъ. На южной сторонѣ его расположены другъ противъ друга, на берегу рѣки Хубоу, два кишлака Хобу и Рабатъ. До нихъ отъ Сагри-дашта считается 24 версты, и столько же отъ нихъ до Калаи-хума. Эта послѣдняя часть пути очень тяжела, она идетъ вдоль по ущелью рѣки Хумбоу по узкимъ карнизамъ, устроеннымъ то на правомъ, то на лѣвомъ берегу рѣки, которую часто приходится проходить по мостамъ. Всѣхъ мостовъ на этомъ участкѣ 15. Въ расширенныхъ частяхъ ущелья разбросано нѣсколько кишлаковъ.

Такимъ образомъ по кратчайшей лѣтней дорогѣ отъ Гарма до Калаи-хума считается 118 верстъ; а именно:

Гармъ,	
Вершина перевала Камчирабъ	16
Чиль-дара	14
Таби-дара	24
Сагри-даштъ	16
Кишлакъ Хобу	24
Калаи-хумъ	24

118

Конечно всѣ эти разстоянія только приблизительны. Единицею для измѣреній ихъ во всей Средней Азій — служить шагъ; эта мѣра очень не удобна по причинѣ своей большой величины, она равняется 12.000 шагамъ или 8 верстамъ. Къ тому же едва ли въ Дарвазѣ когда либо занимались дѣйствительнымъ измѣреніемъ разстояній, какъ то дѣлалось въ другихъ болѣе цивилизованныхъ владѣніяхъ Средней Азій, еще во времена ихъ независимаго существованія. Разстоянія въ Дарвазѣ вѣроятно просто опредѣлены по времени; а этотъ способъ въ горныхъ странахъ легко можетъ сдѣлаться причиною многочисленныхъ ошибокъ.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о той части долины Хулляса, которая находится выше Таби-дара. Начиная отъ Таби-дара вверхъ Хуллясь, теряетъ свое названіе, этотъ верхній участокъ его теченія носить имя — Вахія. Долина сохраняетъ свой прежній характеръ, то есть она населена довольно густо и хорошо обработана. Въ трехъ ташахъ, то есть въ 24-хъ верстахъ отъ Таби-дара стоитъ на Вахіѣ укрѣпленіе Иштиунъ, отъ котораго идетъ прямая дорога въ Каратегинъ, а именно: въ Калаи-ляби-объ и Хаитъ черезъ переваль Люли-харви. Разстояніе между Хаитомъ и Иштиуномъ опредѣлили въ $\frac{1}{2}$ дня пути. Осѣдлые пункты находятся въ долинѣ Хулляса и выше Иштиуна, только самая верхняя часть ея, сообщающаяся съ Каратегиномъ черезъ переваль Гардани-кафтаръ, занята Кара-киргизскими кочевками. Продольная долина, занятая теченіемъ Хулляса, ограничена справа, то есть съ сѣвера, хребтомъ Петра I-го, а съ юга еще болѣе высокимъ хребтомъ, который я предлагаю назвать Дарвазскимъ.

В. Опанинъ.

Г. Ташкентъ
20 іюля 1880 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ

„КАРАТЕГИНЪ И ДАРВАЗЪ“

В. Ф. Ошанина.

Въ первомъ выпускѣ «Извѣстій» за 1881 годъ помѣщена статья В. Ф. Ошанина «Каратегинъ и Дарвазъ». Статья эта привезена мною въ прошломъ году изъ Ташкента и мною же рекомендована для Извѣстій, какъ работа весьма почтенная. Въ виду этого считаю необходимымъ сдѣлать нижеслѣдующее разъясненіе, касающееся связи этой статьи съ трудомъ полковника Л. Ѳ. Костенко, «Туркестанскій край — опытъ военно-статистическаго обзорѣнія Туркестанскаго военнаго округа — 3 тома Спб. 1880-й годъ». Разъясненіе это вызывается: во 1-хъ просьбою самого автора статьи, В. Ф. Ошанина, изложенною въ письмѣ ко мнѣ отъ декабря 1880-го года, и во 2-хъ необходимостью, во избѣжаніе могущихъ быть въ послѣдствіи неприятныхъ недоразумѣній. В. Ф. Ошанинъ, живя въ Ташкентѣ и не имѣя въ рукахъ своей рукописи, не въ состояніи сдѣлать это разъясненіе въ скоромъ времени, а потому я взялъ на себя этотъ трудъ, тѣмъ болѣе, что считаю его своимъ нравственнымъ долгомъ, какъ рекомендовавшій статью.

Въ настоящее время, когда статья Ошанина уже напечатана, мнѣ нѣтъ надобности дѣлать ей подробную оцѣнку; всякій, интересующійся успѣхами изслѣдованій Средней Азіи, самъ оцѣнитъ важность этой работы. Я замѣчу только, что статья эта представляется, хотя и «краткій топографическій очеркъ Каратегина», какъ говоритъ авторъ ея, но очеркъ, основанный на первыхъ, для

Каратегина, непосредственныхъ наблюденіяхъ и на столько обстоятельный, что даетъ намъ полное понятіе о странѣ, о которой до сихъ поръ существовали только сбивчивыя разспросныя свидѣнія. В. Ф. Ошанинъ лично изслѣдовалъ Каратегинъ, стоя во главѣ ученой экспедиціи Туркестанскаго отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологін и Этнографіи, снаряженной въ 1878-мъ году Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ. Экспедиція эта, къ сожалѣнію, прошла какъ то не замѣченной, тогда какъ результаты ея чрезвычайно важны: экспедиція произвела рядъ естественно-историческихъ изслѣдованій, составила вѣрную карту Каратегина, изучила самую малоизвѣстную часть долины рѣки Вахша или Сурхаба, открыла громадный хребетъ Петра I-го, колоссальный ледникъ Федченко и т. п. Словомъ, по своимъ результатамъ, она можетъ быть поставлена на ряду съ такими почтенными экспедиціями, какъ Федченко, Сѣверцова, Искандеръ-кульская и др.

Вышеупомянутая статья представляетъ, такъ сказать, краткій отчетъ объ экспедиціи и написана была еще зимой въ 1879-мъ году, но, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, долго оставалась въ рукописи и лишь въ прошломъ, 1880-мъ году, въ іюлѣ передана мнѣ авторомъ ея для «Извѣстій», гдѣ появилась только въ 1881-мъ году. Вышеупомянутое описаніе Туркестанскаго края Л. О. Костенко напечатано и вышло въ свѣтъ въ 1880-мъ году, не позже августа. Если сличить тѣ страницы труда Л. О. Костенко, гдѣ говорится о нѣкоторыхъ частяхъ Каратегина, особенно о рѣкахъ Вахшѣ, Оби-занку, Оби-кабудъ и пр., то оказывается, что онѣ тождественны съ тѣми мѣстами статьи В. Ф. Ошанина, гдѣ трактуется о тѣхъ же предметахъ; является вопросъ, кто у кого переписалъ эти страницы? Въ статьѣ Ошанина ссылокъ на книгу Костенко нѣтъ, да и въ книгѣ Костенко нѣтъ, исключая одной и то глухой, косвенной.

Такъ какъ, однако, статья Ошанина напечатана пятью мѣсяцами позже книги Костенко, то каждый читатель въ правѣ вывести заключеніе, что г. Ошанинъ заимствовалъ у Костенко и при томъ весьма неприлично, т. е. выдавая эти заимствованія за свои непосредственныя наблюденія. Такое обвиненіе Ошанина возможно и даже логично; значить и я, рекомендуя статью Ошанина для «Извѣстій», сдѣлалъ это или по кумовству или по невѣжеству; наконецъ и редакцію «Извѣстій» можно обвинить въ небрежности, такъ какъ она помѣщаетъ въ своемъ почтен-

номъ изданіи какія то перепечатки, выдаваемыя за оригинальныя изслѣдованія. Такія обвиненія возможны, но были бы крайне прискорбны и совершенно несправедливы. На самомъ же дѣлѣ — это совсѣмъ не такъ, совсѣмъ на оборотъ: не г. Ошанинъ выписывалъ у Костенко цѣлыя страницы, а г. Костенко выписалъ изъ рукописи г. Ошанина все, что его интересовало и выписалъ буквально, не сдѣлавъ прямого указанія на то, не помѣстивъ ясныхъ ссылокъ, какъ это принято всѣми и вездѣ. Съ одной стороны исключительно ради возстановленія истины, и съ другой, во избѣжаніе могущихъ быть указанныхъ обвиненій, я и рѣшился сдѣлать настоящее разъясненіе и крайне сожалею, что не успѣлъ его напечатать рядомъ со статьей Ошанина, въ 1-мъ же выпускѣ «Извѣстій».

Въ доказательство того, что г. Костенко списалъ у Ошанина, но не на оборотъ, служатъ слѣдующія данныя: во 1-хъ, переписанныя страницы содержатъ такія свѣдѣнія о Каратегинѣ, которыя могли быть извѣстны только г. Ошанину, совершившему Каратегинскую экспедицію; во 2-хъ, г. Костенко въ тѣхъ мѣстахъ не былъ, а изъ существующей литературы заимствовать не могъ, такъ какъ въ этой послѣдней такихъ свѣдѣній о Каратегинѣ нѣтъ; въ 3-хъ, книга Костенко печаталась въ С. Петербургѣ и вышла не раньше августа 1880-го года, слѣдовательно въ Ташкентѣ могла появиться не раньше октября, а въ іюлѣ 1880-го года статья Ошанина была уже у меня въ рукахъ, совершенно оконченная, переписанная на бѣло и безъ помарокъ—какою она и теперь хранится въ редакціи Извѣстій; въ 4-хъ, статья Ошанина была уже почти готова въ 1879-мъ году, что извѣстно многимъ и, насколько мнѣ помнится изъ словъ Ошанина, знали объ ней также нашъ почтенный со товарищъ по изслѣдованію Азіи Н. А. Сѣверцовъ; наконецъ въ 5-хъ, письмо Ошанина ко мнѣ ясно разрѣшаетъ вопросъ какимъ образомъ г. Костенко могъ воспользоваться статьей Ошанина; по этому поводу вотъ что сообщаетъ г. Ошанинъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ: «прошлаго зимою (1879—1880-го года) статья моя была уже почти совершенно готова къ печати. Приѣхалъ тогда къ намъ г. Костенко и попросилъ меня дать ему мою рукопись для прочтенія. Я, конечно, согласился и даже разрѣшилъ ему воспользоваться находящимися въ ней свѣдѣніями для его книги «Туркестанскій край», тогда готовившейся къ печати. Я конечно полагалъ что онъ, если найдетъ нужнымъ взять что нибудь изъ моей рукописной статьи,

то поставить мои слова въ ковычкахъ или хотъ, по крайней мѣрѣ, ясно оговорить источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ»; но, какъ я уже упоминалъ, такихъ прямыхъ ссылокъ въ книгѣ Костенко нѣтъ. Заимствованныя страницы находятся во всѣхъ трехъ томахъ труда Костенко: такъ въ 1-мъ томѣ, на стр. 205, описаніе рѣки Вахша дѣликомъ переписано у Ошанина ¹⁾, только то мѣсто, гдѣ у Ошанина говорится объ очень интересныхъ террасахъ по Вахшу, у Костенко пропущено; при этомъ только на стр. 204 въ выноскѣ, Костенко замѣчаетъ, что «въ верхней части (рѣка Вахшъ) изслѣдована мною (г. Костенко) во время Алайской экспедиціи въ 1876-мъ году ²⁾, въ нижней части изслѣдована Н. А. Масвымъ въ 1875-мъ году и, въ средней части, В. Ф. Ошанинымъ въ 1878-мъ году»—изъ этого примѣчанія рѣшительно нельзя подумать, что слѣдующія страницы переписаны съ рукописи Ошанина, а между тѣмъ буквальность ихъ доказываетъ это. Далѣе со стр. 36 Ошанина, отъ словъ «послѣдній бродъ и т. д., снова переписка, при чемъ кишлакъ Сары-пуль какъ сказано у Ошанина, названъ у Костенко Соры-лудъ и въ опечаткахъ не оговорено—вѣроятно слово это въ рукописи было не разборчиво написано; ошибка же важная, потому что совершенно измѣняетъ смыслъ названія. Далѣе, на стр. 206 и особенно, 207 Костенко заимствуетъ у Ошанина описаніе рѣки Сель-су, ледника Федченко, причемъ, гдѣ отстунаетъ отъ буквальной переписки, тамъ дѣлаетъ неточности и даже очень грубыя:

¹⁾ Сравни стр. 205—1-го тома Костенко и стр. 34 ст. Ошанина.

²⁾ Можно подумать, что верхній Вахшъ или собственно Алай изслѣдованъ только однимъ г. Костенко, что кромѣ него никто не занимался Алаемъ съ 1876 по 1880-й годъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ послѣ 1876-го года, т. е. послѣ г. Костенко, Алай изслѣдовали цѣлый рядъ ученыхъ экспедицій; такъ, въ 1877-мъ и 1878-мъ годахъ Н. А. Сѣверцовъ совершилъ на Алай и Памиръ двѣ экспедиціи и изучалъ ихъ въ зоологическомъ, ботаническомъ и орографическомъ отношеніяхъ, прошелъ Алай вдоль и поперекъ и дѣйствительно былъ на истокахъ Вахша, а Костенко далеко не доходилъ до нихъ. Въ 1878-мъ году тотъ же Ошанинъ былъ на Алаѣ, возвращаясь изъ Каратегина. Въ 1877-мъ г. и въ 1878-мъ году я лично совершилъ двѣ экспедиціи на Алай, съ геологическою цѣлью и тоже доходилъ до истоковъ Вахша. Наконецъ былъ тамъ въ 1878-мъ году цѣлый отрядъ, доходившій до Егина и пр. Все это не могло быть неизвѣстнымъ г. Костенко, жившему въ то время въ Ташкентѣ; да наконецъ и краткіе отчеты объ этихъ экспедиціяхъ уже давно напечатаны, раньше выхода его книги, но обо всемъ этомъ г. Костенко умалчиваетъ, и тѣмъ самымъ, если не прямо, то косвенно даетъ знать, что какъ будто онъ—единственный изслѣдователь Алай, и что другихъ нѣтъ, или что изслѣдованія другихъ не имѣютъ никакой цѣны.

особенно это относится къ леднику Федченко, который онъ впрочемъ не называетъ этимъ именемъ, а просто ледникомъ Сель-су¹⁾). Ошанинъ напр. прямо указываетъ, что длина ледника не менѣе 20 верстъ, а что на 15 верстъ, приблизительно, его можно прослѣдить глазомъ, Костенко же говорить утвердительно, что длина ледника около 15 верстъ; эта неточность тѣмъ болѣе странна, что во 1-хъ другихъ свѣдѣній у Костенко быть не могло, потому что ледникъ Федченко открытъ Ошанинымъ и во 2-хъ тутъ же на слѣдующихъ страницахъ 208—209, о рѣкахъ Оби-занку и Оби-кабудъ списано вполнѣ точно, т. е. совершенно буквально²⁾) и при этомъ ни словомъ не упомянуто о томъ, что эти страницы не только заимствованы, но прямо списаны у Ошанина.

Во 2-мъ томѣ стр. 201—203 также прямо списаны у Ошанина, стр. 56—57, но здѣсь хоть замѣчено «по распроснымъ свѣдѣніямъ Ошанина», хотя нужно было прямо указать, что переписано съ рукописи Ошанина о Дарвазѣ.

Въ 3-мъ томѣ, говоря о Дарвазѣ, на стр. 294—295, тоже буквальная переписка страницъ 52—53 Ошанина и при томъ безъ всякой ссылки.

Приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно для подтвержденія вышесказаннаго. Хотя подобныхъ умолчаній въ книгѣ Костенко не мало и въ другихъ отношеніяхъ, но перечислять ихъ и вообще разбирать этотъ трудъ вѣдѣли настоящей замѣтки; я желаю только оградить г. Ошанина, себя и редакцію «Извѣстій» отъ могущихъ быть нареканій—не болѣе.

И. Мушкетовъ.
Д. чл. И. Р. Г. О.

---

¹⁾ Сравни стр. Костенко 207—206 со стр. Ошанина 41—42.

²⁾ Сравни стр. 37, 38—39 статьи Ошанина, выпущено только примѣчаніе на стр. 38.